

A $\frac{218}{1821}$

218
1821

ВАЛААМСКІЙ СКИТЪ

ВО ИМЯ

СВЯТАГО ПРОРОКА,

ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ІОАННА

И

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ТАМОШНЯГО ПОДВИЖНИКА

СХИМОНАХА о. Іоанна.

(† 7 августа 1894 г.)

Съ приложеніемъ вида Предтеченскаго скита.

Изданіе Валаамскаго монастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, Невскій просп., № 8.
1895.

ИЗДАНИЯ

Валаамскаго монастыря:

1. Валаамскій монастырь и его подвижники, 2-е изд., исправлен. и дополн., съ 17 гравюрами и картою. С.-Петербургъ 1889 г. Цѣна 1 руб. 20 коп. (Книга эта, въ 334 стр. убористаго шрифта, содержитъ подробныя свѣдѣнія и объ историческихъ судьбахъ Валаамской обители и о современномъ ея состояніи).

2. Описаніе Валаамскаго Монастыря (краткое), съ приложеніемъ 12 гравюръ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Спб. 1895 г. Цѣна 40 коп.

3. Путешествіе на Валаамъ, съ 12 гравюрами. Спб. 1892 г. Цѣна 40 коп.

4. Сказаніе о жизни и чудесахъ преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ, съ 3-мя гравюрами. Изданіе 2-е, Спб. 1892 г. Цѣна 40 коп.

5. Преподобные Сергій и Германъ, Валаамскіе чудотворцы, основатели Валаамской обители. Спб. 1892 г. Цѣна 15 коп.

6. Валаамскіе подвижники, съ 3 гравюрами. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1891 г. Цѣна 30 коп.

7. Пустынька игумена Назарія на Валаамѣ и священныя ея окрестности, съ 4 гравюрами. Спб. 1890 г. Цѣна 20 коп.

8. Валаамскій скитъ во имя Коневской Божіей Матери, съ 3 гравюрами (2 иконы Божіей Матери и видъ скита). Спб. 1890 г. Цѣна 20 коп.

9. Валаамскій скитъ во имя Всѣхъ Святыхъ, съ изображеніемъ скита и съ приложеніемъ: синаксаря въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, слова въ день архистратига Михаила и двухъ молитвъ. Спб. 1889 г. Цѣна 10 коп.

ВАЛААМСКІЙ СКИТЪ

ВО ИМЯ

СВЯТАГО ПРОРОКА,

ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ІОАННА

И

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ТАМОШНЯГО ПОДВИЖНИКА

СХИМОНАХА О. ІОАННА.

(† 7 августа 1894 г.).

Съ приложеніемъ вида Предтеченскаго скита.

Изданіе Валаамскаго монастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. МѢРКУШЕВА, бывш. Н. Лебедева, Невскій просп., № 8.

1895.

Отъ С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета печатать дозво-
ляется. С.-Петербургъ, 23 мая 1895 года.

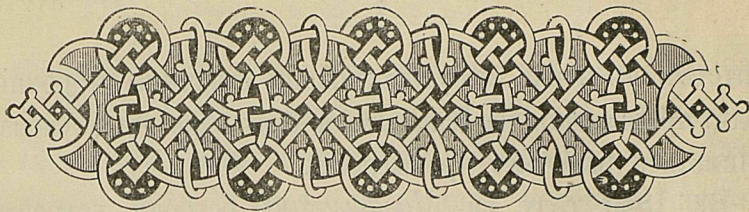
Цензоръ Архимандритъ *Тисонъ*.

2007042261

Скитъ св. Пророка Юанна Предтечи.

I.

Скитъ Св. Іоанна Предтечи.

Въ четырехъ верстахъ отъ Валаамскаго монастыря громаднымъ утесомъ выдвигается въ озеро *Предтеченскій островъ*, покрытый сплошь высокимъ лѣсомъ. Прежде назывался онъ по-фински *Серничанъ*, то-есть *Монашескій*. Такое названіе приводитъ къ мысли, что во дни цвѣтущаго состоянія монастыря, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ, когда Валаамъ именовался *честною и великою лаврою*, когда на островахъ Валаамскихъ и въ предѣлахъ Корелии находилось до двѣнадцати скитовъ, состоявшихъ подъ духовнымъ управленіемъ одного Валаамскаго настоятеля, былъ скитъ и на *Монашескомъ*, нынѣ—*Предтеченскомъ*, островѣ, ибо извѣстно, что скитская жизнь на Валаамѣ всегда существовала. Догадываются еще, что, по раззореніи Валаама шведами въ 1611 году, главный островъ былъ занятъ финнами, а нѣкоторые монахи, по минованіи опасности, возвратились опять на Валаамъ и поселились, ради спасенія души, на островѣ *Серничанъ*. Еще лѣтъ сорокъ назадъ, на этомъ островѣ стояло нѣсколько избышекъ, въ которыхъ, быть можетъ, во время оно и жили иноки. На памяти нынѣшняго

братства, въ этихъ избушкахъ жили ежегодно сторонніе люди, прїѣзжавшіе на Валаамъ, съ благословенія игумена, заниматься рыбнымъ промысломъ.

Въ 1855 году на *Монашескомъ* островѣ устроена была небольшая часовня во имя Св. Іоанна Предтечи, съ небольшою пустынею. Съ этихъ поръ *Сергичанъ* стали называть *Предтеченскимъ* островомъ. Въ 1858 году эту часовню замѣнила церковь.

Въ грозный для Валаамской обители 1611 годъ, когда она была совершенно разорена войсками шведскаго полководца Якова Понтуса Делагарди, а игумень Макарій и многіе изъ братій были убиты, нѣкоторые валаамскіе старцы удалились въ Ладогу и тамъ, по волѣ царя Михаила Ѳеодоровича, получили для жительства Васильевскій монастырь¹⁾. Въ этой обители иноки построили небольшую деревянную церковь во славу Преображенія Господня, кельи и ограду. Съ теченіемъ времени монастырскія зданія сгладились съ лица земли; сохранилась только ветхая, полуразрушенная церковь, перешедшая къ причту Васильевского погоста. Ея-то священные, родственные для Валаамскихъ иноковъ останки возжелалъ перевезти на Валаамъ настоятель его, блаженъ для памяти игумень Дамаскинъ, употреблявшій всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ розысканію, пріобрѣтенію и сохраненію всѣхъ дорогихъ для Валаама древностей его и вообще всего, что относится до его исторіи. Всѣ расходы по перевозкѣ вышеупомянутой древней церкви и по устроенію ея принялъ на себя одинъ изъ усердныхъ

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія по исторіи Валаама—въ книгѣ *Валаамскій монастырь и его подвижники*, 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 1889 г.

благотворителей монастыря, жертвуя притомъ 1000 руб. сер. на ремонтное ея содержаніе и 500 руб. на взмездіе за нее и ея утварь причту Васильевскаго погоста. Дѣло началось, и Св. Синодъ разрѣшилъ перевести церковь въ обитель.

На *Предтеченскомъ* островѣ, на прочномъ каменномъ фундаментѣ, на мѣстѣ бывшей часовни, поставлена священная древность. Храмъ этотъ во имя Св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна освященъ соборнѣ преосвященнымъ митрополитомъ Григоріемъ 20 іюня 1858 года. Полуразрушенная церковь какъ-бы воскресла теперь въ обновленномъ видѣ, съ тщательнымъ сохраненіемъ въ неизмѣнности всего, что осталось отъ древняго времени. Церковь небольшая, одноглавая, съ возвышающеюся надъ нею колокольнею; глава обита бѣлымъ желѣзомъ; кресты мѣдные, вызолоченные черезъ огонь. Внутренность ея крайне проста и вмѣстѣ изящна: сосновый рѣзной иконостасъ и стѣны не окрашенныя. Среди храма виситъ прекрасное вѣтвистое паникадило накладного серебра съ позолоченными чеканными украшеніями. За престоломъ седьмисвѣщникъ накладного серебра, мѣстами тоже позолоченный. Много древнихъ иконъ, взятыхъ вмѣстѣ съ древнею церковію отъ причта Васильевскаго погоста. Въ *алтарь*, на горнемъ мѣстѣ, на большомъ крестѣ живописью во весь ростъ превосходно изображенъ распятый Спаситель; надпись на крестѣ писана по-еврейски, по-гречески и по-римски. По лѣвую сторону креста — большихъ размѣровъ древняго письма чудотворная икона Св. Василія Великаго. По правую сторону — такая же древняя икона Св. Іоанна

Златоуста. *Собственно въ церкви* обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія старинныя иконы: 1) Древнее изображеніе преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ, писанное въ двѣ краски. — 2) Образъ — акаѳистъ Божіей Матери въ лицахъ; надпись на немъ гласить: «совершился сей святыи образъ въ лѣто 1759, мѣсяца апрѣлія 8 дня, по обѣщанію господина капитана Іоанна Стефановича Обернибѣсова». Налѣво 12 кондаковъ, направо 12 икосовъ, всё — въ лицахъ, а подъ изображеніями подписи — начала кондаковъ и икосовъ. Въ средней части образа, между кондаками и икосами, наверху — распятіе; подъ нимъ — Божія Матерь *Знаменіе*, съ подписью: «радуѣйся, яко носиши носящаго вся»; еще ниже — опять изображеніе Божіей Матери и подъ нимъ кондакъ 13-й: «о всепѣтая Мати...» Ширина этого образа-акаѳиста 1 арш. 4 вер., а вышина 1 арш. 8 вер. — 3) На одной большой доскѣ, шириною въ 1 арш. 2 вер. и вышиною въ 1 арш. 8 вер., шестьдесятъ восемь различныхъ изображеній Божіей Матери — древняго письма. — 4) Старинная икона Казанской Божіей Матери; на ней серебряный вѣнчикъ съ оригинальной подвѣскою подъ грудь. — Кромѣ того, весьма замѣчательны находящіеся въ сей церкви два древнихъ, простыхъ, безъ всякихъ украшеній, деревянныхъ восьмикопечныхъ креста. Одинъ — длиною 14 вершковъ, включая и округленную ручку около 2-хъ вершковъ. На немъ съ верху до низу идетъ прекрасно сохранившаяся надпись: «Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и водружень бысть крестъ сій въ церкви Боголѣпнаго Преображенія лѣта 1682-го году мѣсяца генваря въ 8 день при

благовѣрномъ царѣ і великомъ князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевиче всеа Росіи: и при патриархѣ Іоакимѣ Московскомъ і всеа Росіи и при митрополитѣ Корниліи Новаграда и Великихъ Лукъ и при настоящей власти тоя святыя обители при строители іеромонахѣ Корниліи». Кресту этому въ текущемъ году исполнилось 213 лѣтъ. Другой крестъ, нѣсколько меньшій по размѣру, еще проще и еще древнѣе. Къ сожалѣнію, изъ надписи на немъ оказалось возможнымъ разобрать только слѣдующія слова: «при благовѣрномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при митрополитѣ Макаріи». Обращаясь къ церковной исторіи, находимъ, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича былъ митрополитъ Великоновгородскій, Великолуцкій и всего Поморія Макарій, который хиротонисанъ 10 апрѣля 1619 г., а скончался 12 сентября 1627 года. Если отнести крестъ даже къ послѣднему году жизни митрополита Макарія, то и тогда кресту этому всетаки не менѣе 268 лѣтъ. Сей простой, убогій деревянный крестъ, лишенный всякихъ украшеній, не говоритъ-ли намъ краснорѣчивѣе всякихъ описаній о той бѣдности и скудости, какую Валаамскіе иноки претерпѣвали, по крайней мѣрѣ въ первое время своего пребыванія въ Васильевскомъ монастырѣ, послѣ того, какъ,—незадолго передъ симъ богатая и цвѣтущая,—Валаамская обитель была разрушена до основанія и стерта съ лица земли мятежными войсками Делагарди? Да и только-ли въ первое время приходилось имъ претерпѣвать сію крайнюю бѣдность и скудость? Вѣдь, и другой крестъ, описанный выше, помѣченный уже 1682 годомъ, тоже простой деревянный, тоже безъ всякихъ украшеній. Но

всемогущему Богу угодно было, по святымъ молитвамъ и предстательству преподобныхъ, сохранить Валаамъ и его иноковъ среди всѣхъ тяжкихъ испытаній его воистину многострадальной исторіи, — и Господь сохранилъ его, а потомъ и вновь возвеличилъ.

Въ притворѣ Предтеченской церкви находятся еще: цѣлый старинный иконостасъ и многіе отдѣльные образа древняго письма изъ Васильевской церкви, а также два замка отъ сей послѣдней церкви чрезвычайно своеобразной формы, какіе теперь не часто встрѣтишь, и вполне сохраненные. На всѣхъ вышеисчисленныхъ иконахъ и предметахъ заботливость ревностнаго собирателя и хранителя Валаамской старины, игумена Дамаскина, не преминула своевременно сдѣлать надлежащія надписи о томъ, что иконы эти и предметы взяты вмѣстѣ съ древнею церковію, отъ причта Васильевского погоста.

Наконецъ, въ этой же церкви находится, хотя, быть можетъ, и не древній, но замѣчательный по живописи образъ — *Святцы*. Вся доска, на которой написаны Святцы, всѣ 12 мѣсяцевъ, имѣетъ въ вышину $8\frac{1}{8}$ вер., а въ ширину $6\frac{7}{8}$ вер. Но на этой небольшой доскѣ, кромѣ собственно Святцевъ, находится еще въ срединѣ образъ Воскресенія Христова. Если исключить площадь, занимаемую этимъ образомъ, то на каждый мѣсяць Святцевъ останется площадка менѣе 4-хъ квадратн. вершковъ — только! Но и это, само по себѣ, не было бы замѣчательно. А замѣчательно то, что, при такомъ ничтожномъ размѣрѣ мѣста для каждаго мѣсяца, живопись поразительно ясна и отчетлива: легко различить каждую фигуру, каждый ликъ, даже самый маленькій изъ маленькихъ — дѣтскій;

каждая фигура написана своеобразно; каждой фигурѣ дано свое положеніе и одѣяніе; числа мѣсяца отдѣлены явственными линіями, которыя, въ свою очередь, занимаютъ мѣсто, не говоря уже о раздѣленіяхъ между мѣсяцами; надъ изображеніями—надписи, которымъ также нужно мѣсто. Вообще живопись удивительно тонкая и тщательная, очевидно—потребовавшая долгаго и усидчиваго, терпѣливаго труда.

Колокольную церкви, между прочими колоколами, украшаетъ древній монастырскій колоколь времянь Бориса Θεодоровича Годунова, возвращенный игуменомъ Дамаскинымъ въ 1858 г. изъ Новой Ладогѣ, съ пожертвованіемъ за него 300 руб. сер. На колоколѣ этомъ, — въ двухъ строкахъ по верхней части и въ одной строкаѣ по низу, — читается слѣдующая древняя надпись: «Лѣта 111 слѣты бысть сїи колокола і боголѣпному преображею спасову валамскоі манастырь при благовѣрномъ царѣ і государи великомъ князѣ борисе феодоровиче всея русїи при его благовѣрної царицѣ марїи и при епискупи селивестрѣ корелскомъ і при игумени макариі». Слова: «слѣты бысть сїи колокола» — указываютъ, что не одинъ этотъ колоколь былъ пожертвованъ Борисомъ Годуновымъ *честной и великой лавръ Валаамской*, а навѣрное — цѣлый звонъ. Куда дѣвались остальные колокола — въ точности неизвѣстно. Но вполне вѣроятно, что они были похищены дикой ордой шведовъ во время нападенія на Валаамъ въ 1611 году и разоренія обители съ убійствами и грабительствомъ; а этотъ колоколь, какъ сравнительно небольшой (около 25 пуд. вѣсомъ), былъ какъ-нибудь спасенъ иноками, или оставленъ самими грабителями,

довольно уже насытившими свою жажду хищенія и изувѣрства. Время, означенное на колоколѣ,—лѣта 111,—соотвѣтствуетъ 1603 году ¹⁾. Значить, колоколу этому 292 года. Звукъ колокола чрезвычайно пріятный, мелодичный.

Года за три до построенія церкви здѣсь поставленъ былъ деревянный одноэтажный домикъ съ мезониномъ, стоящій и понынѣ, у самаго церковнаго крыльца. За храмомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ алтаря, на восточной сторонѣ, высѣченъ въ скалѣ колодець, глубиной около двухъ сажень, всегда имѣющій воду пріятнаго вкуса. Храмъ, домъ и колодець обнесены четырехъ-угольною изъ досокъ оградой, которая окрашена черной краской и заключаетъ внутри себя около 2.500 кв. саж. земли. Кругомъ ограды, по забору, рассажены, для защиты отъ вѣтра, ели и другія хвойныя деревья, а въ серединѣ разведенъ и садъ съ фруктовыми деревьями. Скитяне воздѣлываютъ этотъ пустынный садъ; но безъ благословенія настоятеля они не могутъ вкушать отъ плодовъ его

¹⁾ Къ марту 1492 года многіе простодушные люди въ Россіи,—да и не въ одной Россіи,—ожидали кончины міра, на основаніи повѣрья, что міру предназначено существовать всего семь тысячъ лѣтъ, такъ-что и пасхальныя вычисления того времени оканчивались семитысячнымъ годомъ отъ сотворенія міра (считая отъ сотворенія міра до Р. Х. 5508 лѣтъ и 1492 года отъ Р. Х., мы и получимъ 7000 лѣтъ). Годъ тогда начинался еще съ марта. Въ 1492 году, для составленія Пасхали, происходилъ въ Москвѣ соборъ, на коемъ, кромѣ сего главнаго дѣла (составленія Пасхали), подтверждено впредь начинать гражданскій годъ съ перваго сентября. Слѣдовательно, послѣ 1492 года—новая Пасхалия и новый счетъ годовъ, съ перваго, встрѣчающійся вездѣ въ памятникахъ нашей старины. Чтобы по этому новому счету опредѣлить годъ отъ Р. Х., надо къ данному прибавить 1492; такимъ образомъ и выходитъ, что 111-й годъ соотвѣтствуетъ 1603-му.

и эту заповѣдь соблюдаютъ свято, ради отреченія своей воли.

Въ скоромъ времени, по созданіи храма, на восточной и южной отлогостяхъ острова, въ густой тѣни сосноваго лѣса, на верженіе камня одна отъ другой, стали появляться убогія иноческія кущи — деревянные домики самой простой постройки, и возникъ, такимъ образомъ, небольшой скитъ.

Чтобы доставить пустынникамъ возможность въ зимнее время совершать молитвословіе въ тепломъ храмѣ, въ каменномъ фундаментѣ церкви Св. Іоанна Предтечи устроенъ храмъ—во имя Трехъ Вселенскихъ Святителей. Этотъ храмъ на половину меньше верхняго, весь высѣченъ въ скалѣ и можетъ быть названъ — *пещернымъ*. Иконы его отличной работы Пѣшехонова; полъ и подоконники мраморные. Онъ освященъ о. игуменомъ Дамаскинымъ соборнѣ 30 января 1860 года. Весною текущаго 1895 года храмъ этотъ исправленъ: вновь выкрашенъ и расписанъ по стѣнамъ и по потолку своими монастырскими художниками, подъ руководствомъ и наблюденіемъ о. игумена Гавріила, при его личномъ участіи въ живописной работѣ. Въ этомъ храмѣ находятся древнія царскія врата, взятая вмѣстѣ съ древнею церковію изъ Васильевскаго погоста. На нижнихъ частяхъ обѣихъ половинъ этихъ царскихъ вратъ,—начинаясь на лѣвой, продолжаясь и оканчиваясь на правой половинѣ,—читается слѣдующая надпись, сдѣланная въ свое время по благословенію о. игумена Дамаскина, дабы сохранить священную память древности: «Сіи врата находились при церкви Преображенія Господня, построенной въ 17 столѣтіи,

въ Васильевскомъ монастырѣ, нынѣ погостѣ, что противъ Старой Ладogi, иноками Валаамскаго монастыря, удалившимися тогда съ Валаама, вельдствіе раззоренія ихъ обители мятежными шведскими войсками подъ предводительствомъ Якова Понтуса Делагарди. Въ 1857 году при державѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича всея Россіи, по благословенію Всероссийскаго Синода, при преосвященномъ Григоріи, митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургомъ, по ходатайству настоятеля игумена Дамаскина, возвращены онѣ въ Валаамскій монастырь вмѣстѣ съ самою церковію и, по надлежащемъ возобновленіи поставлены здѣсь, въ храмѣ Тріехъ Святителей, находящемся на Предтеченскомъ островѣ, принадлежащемъ Валаамскому монастырю, въ лѣто отъ сотворенія міра 7368, отъ Рождества же Бога Слова 1860». Надпись эта рѣзная, сдѣлана весьма своеобразной славянскою вязью, частію — подъ титлами. Врата, хотя и возобновлены, но старинная живопись на нихъ оставлена неприкосновенной, что относится до сохраненія ликовъ и проч. Вышина ихъ не болѣе обыкновенныхъ дверей. А были они и еще ниже, такъ какъ мѣста для надписи прибавлены уже здѣсь: такъ, по свидѣтельству нынѣшняго настоятеля, о. игумена Гавріила, говорилъ игумень Дамаскинъ. Иконы на сихъ вратахъ: наверху, на обѣихъ половинахъ—Благовѣщеніе, затѣмъ ниже: на лѣвой половинѣ — Ев. Іоаннъ Богословъ и Св. Прохоръ, пишущій: «въ началѣ бѣ Слово»; еще ниже—Ев. Лука; на правой—подъ Благовѣщеніемъ Ев. Матѳей, а ниже—Ев. Маркъ. Самый низъ занимаетъ на обѣ-

ихъ половицахъ, какъ сказано, вышеприведенная надпись ¹⁾).

На западной сторонѣ острова, у крутого обрыва, возвышается большой гранитный крестъ. По южному склону отъ черной деревянной ограды храма спускается дорога къ пристани и вокругъ холма, на которомъ возвышается церковь; далѣе дороги проходятъ вглубь лѣса по всему острову.

Каковъ образъ жизни обитателей Предтеченскаго скита?

Въ житіи преп. Савватія Соловецкаго (Четы-Минеи, апрѣль, 17 число) говорится, между прочимъ, слѣдующее: «И слыша, яко въ Новгородстѣй области есть езеро, глаголемое Нево, на немже островъ, нарицаемый Валамъ, и тамо монастырь Преображенія Господня, иноцы же монастыря того зѣло подвижное имуть житіе, днемъ и ноцію въ Богоугожденіи труждающиеся: *пишу же имуть отъ труда рукъ своихъ*». Такъ было всегда, во все время существованія Валаамской обители; такъ и понынѣ: отличительной чертой Валаамской жизни служить то, что иноки сей обители стараются *имѣть пишу отъ труда рукъ своихъ*, несмотря на всю скудность окружающей

¹⁾ Между прочимъ, достойно замѣчанія и слѣдующее обстоятельство. При приемѣ церкви на Валаамъ отъ Васильевскаго причта не оказалось на лицо креста, о которомъ въ описи было сказано: «крестъ небольшой, мѣдный, шестигульный, съ изображеніемъ распятія Господа и какою-то надписью, истершеюся, древнее». По розыскамъ оказалось, что крестъ сей взятъ былъ у причта начальникомъ художественной экспедиціи г. Львовымъ и представленъ въ Св. Синодъ. По ходатайству Валаамской братіи и высокопреосвященнаго митрополита Григорія, сей крестъ возвращенъ изъ Св. Синода въ монастырь и хранится доселѣ въ его ризницѣ. Надпись на немъ дѣйствительно разобрать нельзя, равно какъ и древность его не подлежитъ сомнѣнію.

природы, требующую особенныхъ, усиленныхъ трудовъ. Порядокъ на Валаамѣ вездѣ одинъ—что собственно въ монастырѣ, что въ скитахъ: время дѣлится между молитвой и трудомъ, и только малая часть его идетъ на необходимый отдыхъ.

Поэтому, и немногочисленное братство Предтеченскаго скита, между установленными молитвословіями въ храмъ Божию, занимается въ лѣтнее время огороднымъ хозяйствомъ, садоводствомъ, а зимой — пилкой дровъ и т. п. Въ числѣ Предтеченскаго братства находятся и совершенно дряхлые старцы, которымъ осталось только одно дѣло, одно занятіе—молиться Богу за себя и за другихъ.

Да и не много требуется для поддержанія жизни этихъ отшельниковъ. Въ подражаніе великому пустынику и постнику, Св. Іоанну Предтечѣ, въ семь скиту соблюдается строжайшій уставъ постничества. Пища скитянь исключительно растительная, состоитъ изъ овощей, и то въ понедѣльникъ, среду и пятокъ безъ масла, въ остальные дни съ постнымъ масломъ, а рыбнаго или молочнаго здѣсь совсѣмъ никогда не дозволяется вкушать. Лицамъ женскаго пола совершенно и безусловно воспрещенъ доступъ не только въ этотъ скитъ, но и на самый *Предтеченскій* островъ. Мужчинамъ посѣщеніе скита разрѣшается не иначе, какъ по особому благословію настоятеля монастыря, и этотъ порядокъ примѣняется не только къ постороннимъ, но даже и къ монастырской братіи.

Таковы древности и достопримѣчательности, исторія возникновенія и нынѣшнее состояніе *Предтеченскаго* скита.

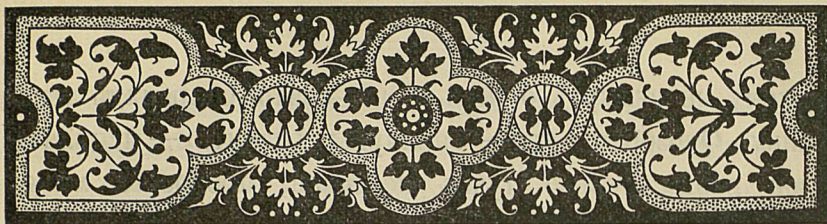
Остается сказать о природѣ *Предтеченскаго* острова и о томъ, какое она производитъ впечатлѣніе. Но, что касается сего предмета, предоставимъ слово человѣку во-первыхъ постороннему, а во-вторыхъ, быть можетъ, и болѣе насъ искусному въ этомъ дѣлѣ. Лѣтомъ 1880 года посѣтилъ Балаамъ одинъ извѣстный русскій писатель, не мало выдавшій на своемъ вѣку, извѣдившій вдоль и поперекъ всю Россію и много путешествовавшій по Европѣ. Этотъ писатель справедливо называетъ *Предтеченскій* островъ «прелестнѣйшимъ уголкомъ на сѣверѣ». Его описанія и впечатлѣнія мы и предлагаемъ здѣсь вниманію читателей: «Взобрался я на колокольню. Лѣсное царство кругомъ. Сквозь него поблескиваютъ свѣтлыя воды и туманно рисуются другіе берега. Оказалось возможнымъ подняться еще и въ куполь. Отсюда виды еще прелестнѣе. Серебряные и голубые извивы проливовъ. Широкіе плесы, окутанные со всѣхъ сторонъ зеленой дремой. Длинные скалистые мысы, мысы, поросшіе соснами. Далеко на югъ надъ вершинами плаваютъ серебряные куполы другого скита — *Всѣхъ Святыхъ*, а еще дальше — изъ зеленого моря лѣсовъ подымается соборъ самой обители... Просторъ, дичь и глушь... Въ противоположное окно — Ладога вплоть до смутныхъ очертаній корельскаго берега. А вонъ, напротивъ, чуть-чуть мерещатся за шестьдесятъ верстъ скалы Якимваари¹⁾. Въ этомъ куполѣ, — что ни окно, то новая картина. Мы переходимъ къ слѣдующему, и подъ нами надъ опасной лудой — маякъ... Вонъ нѣсколько суденышекъ точно подъ

¹⁾ Якимваари — большое финское село; нынѣ тамъ — ближайшая къ г. Сердоболу станція Фивляндской ж. д.

погами у васъ ползуть маленькія, маленькія...—Вышли изъ пустыньки. Вдругъ лѣса и скалы, до сихъ поръ заставлявшіе даль, раздвинулись. Обрывъ внизъ. Мы стоимъ на карнизѣ. Предъ нами безбрежный просторъ Ладоги, появившійся неожиданно, точно по мановенію волшебнаго жезла. Если шумять далеко внизу, маленькими кажутся съ этой высоты! Мнѣ эта картина живо напоминаетъ видъ изъ Байдарскихъ воротъ въ Крыму, гдѣ путешественнику, утомленному однообразнымъ маревомъ горъ да лѣсовъ, вдругъ представляется громадная перспектива Чернаго моря. Надъ обрывомъ крестъ, тесаный изъ гранита. Налѣво—заливъ, гавань, куда изъ за пятидесяти верстъ бѣгутъ корабли отстаиваться отъ бурь. Вотъ внизу, невѣдомо какъ прицѣпившись къ отвѣсу, держится громадная сосна. Лѣсъ шумитъ у васъ подъ ногами, всда бьется въ берега, и точно серебряная нить окаймила ихъ едва замѣтная отсюда пѣна прибоя.— Удивительное спокойствіе вѣяло на душу. И не одно спокойствіе—горе забывалось, прошалось всѣмъ, примиреніе казалось такъ легко! Сюда измученные, сюда усталые, на этотъ просторъ, на эти берега пустынные! Если сердце болитъ и томится, если изъ недужной груди невольно рвется крикъ, если тоска прерываетъ дыханіе—скорѣе сюда! Рядомъ съ этой безконечною малымъ покажется всякое горе, рядомъ съ этой красотой дивной смолкнетъ личное страданіе. Ничтожнымъ и жалкимъ явится оно тебѣ. Оплакать-ли захочешь жертву дорогую тебѣ,—плачь здѣсь. Тебя услышитъ одна пустыня безмолвная. Слезамъ твоимъ отзовутся однѣ мятежныя волны. Униженіе твое увидятъ только величавыя сосны,—онѣ

никому не скажутъ о немъ. Онѣ свято сохранять твою тайну. Опозоренъ ты, — спрячуть; разбить, — исцѣлять твои раны. Только тучка небесная, проносясь мимо, заплачетъ надъ тобою частымъ дождикомъ; солнце взойдетъ, высушитъ слезы; и твои, и ея слезы высушитъ на очахъ и на листьяхъ зеленаго лѣса». — Такъ благотворно должна дѣйствовать и дѣйствительно дѣйствуетъ эта чудная, дивная природа на всѣхъ. А какъ прекрасно, среди этой невозмутимой тишины, состояніе пустытника, постоянно здѣсь пребывающаго, далекаго всѣхъ суетныхъ тревоженій многмятежнаго міра! Какъ непосредственно близка къ Богу должна быть душа его! — «Какіе голоса должны звучать въ этой чудной тишинѣ, когда сердцемъ слышишь, когда оно раскрыто и ждетъ — приди, Господи! И несомнѣнно, что Господь сходитъ къ нимъ, сходитъ въ звукъ и образъ, сходитъ, какъ елей на болящую душу. Сходитъ въ пламени молніи, сходитъ въ тихомъ дуновеніи вѣтра. Распростершись ницъ, безмолвникъ внимаетъ грозному глаголу, и въ самыя тяжкія минуты уединенія, въ самыя глухія ночи, на высотѣ точно разверзается твердь, и широко раскрытымъ очамъ являются легіоны свѣтлыхъ ангеловъ, сіяютъ божественныя кущи и раскидывается иное, нездѣшное небо»... ¹⁾.

¹⁾ В. И. Немировича-Данченко, *Крестыанское царство*, Спб. 1882 г., т. I, стр. 191—192, 197—200, 204—205.

II.

Схимонахъ о. Іоаннъ.

Среди этой-то вотъ дивной пустыни, въ непрестанныхъ трудахъ и молитвенныхъ подвигахъ, провелъ *болѣе тридцати лѣтъ* схимонахъ о. Іоаннъ, мирно скончавшій долгій путь своего земного странствія 7 августа 1894 г. Продолжительное пребываніе въ скиту Св. Іоанна Предтечи усвоило покойному названіе *Предтеченскаго*.

Что же это былъ за человѣкъ?

Извѣстный русскій писатель, пятнадцать лѣтъ тому назадъ посѣтившій Валаамъ, видѣвшій о. Іоанна въ Предтеченскомъ скиту и много съ нимъ бесѣдовавшій, несмотря на свое несочувственное отношеніе къ монашеству, такъ высказался объ о. Іоаннѣ: «*Какимъ бы ни былъ убѣжденій человѣкъ, изъ бесѣды съ нимъ онъ вынесетъ отрадное впечатлѣніе*»¹⁾. Слова эти особенно важны, какъ свидѣтельство человѣка, предубѣжденнаго противъ монашества. Если *отрадное впечатлѣніе* вынесъ человѣкъ, относящійся къ монашеству съ явнымъ не-

¹⁾ *Крестыянское царство*, т. I, стр. 194.

расположеніемъ, то тѣмъ болѣе отрадное впечатлѣніе выносили тѣ люди, которые, по своему религіозному настроенію, были близки къ покойному подвижнику, — тѣ люди, которые вѣровали и думали такъ же, какъ онъ вѣровалъ и думалъ, — тѣ люди, которые, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, обращались къ нему за духовнымъ совѣтомъ, руководствомъ и наставленіемъ. А такихъ людей, какъ намъ извѣстно, было весьма не мало. И этимъ людямъ, несомнѣнно, дорога память покойнаго. Для нихъ-то преимущественно мы и намѣрены передать все, что намъ удалось собрать и узнать о жизни и личности почившаго ¹⁾).

Схимонахъ Іоаннъ, въ мірѣ Іларіонъ Родіоновъ, по происхожденію изъ крестьянъ Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, Верещагинской волости, деревни Рогалева. Родился въ 1810 году. Родственники его были — а нѣкоторые и остались — раскольниками. Извѣстно, что расколь имѣеть весьма широкое распространеніе въ Ярославской губерніи вообще, а въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ особенности. Извѣстно и то, что раскольники, большею частію, народъ грамотный. Поэтому, и Іларіонъ Родіоновъ отъ лѣтъ отрочества былъ не чуждъ книжнаго ученія. Темный расколь не удовлетворялъ чистымъ стремленіямъ души будущаго подвижника: она рвалась къ истинѣ и свѣту. Въ пяти верстахъ отъ Пошехонья, на берегу рѣки Вѣтки, находится основанный по

¹⁾ Важнѣйшія свѣдѣнія о покойномъ даны намъ въ запискахъ о немъ нынѣшняго настоятеля Валаамскаго монастыря, о. игумена Гавріила, который, какъ увидимъ далѣе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ съ о. Іоанномъ въ Предтеченскомъ скиту и имѣлъ счастье быть его ученикомъ въ юные годы своей жизни.

благословенію митрополита Макарія въ 1543 году Адріановскій-Пошехонскій монастырь, въ которомъ открыто почиваютъ мощи преп. Адріана Пошехонскаго. Въ годы юности Иларіона въ обители этой былъ нѣкоторый старецъ, отличавшійся подвижническою жизнью и мудростью духовною. Иларіонъ посѣщаль эту обитель. Бесѣды старца благотворно подѣйствовали на живую и воспріимчивую душу юноши, жаждавшую истины и свѣта. Вскорѣ онъ разъ навсегда и окончательно отвратился отъ тьмы раскола и около четырехъ лѣтъ прожилъ въ Адріановскомъ монастырѣ. Но всевѣдущій Богъ направлялъ ищущаго спасенія души юношу туда, гдѣ ему суждено было свершить подвигъ иноческаго житія. Въ 1835 году, слѣдовательно 25-ти лѣтъ отъ роду, Иларіонъ прибылъ на Валаамъ, при игуменѣ Веніаминѣ. Ревнуя подвижнической жизни, онъ проходилъ дѣло святого послушанія со всѣмъ усердіемъ. Но врагъ рода человѣческаго, діаволь, искони завидуя добрымъ предпріятіямъ благочестивыхъ подвижниковъ, восхотѣлъ сдѣлать препону и сему будущему подвижнику, воздвигъ свою древнюю злобу и навелъ на него великія искушенія,—о чемъ самъ о. Іоаннъ разсказывалъ впослѣдствіи такъ: „Въ первоначальное поступленіе мое на жительство въ число братства Валаамской обители, діаволь возсталъ на меня съ обычною своею адскою злобою и понудился вытащить меня опять на мірскую жизнь. Однажды, пребываящу мнѣ въ моей келліи,—тогда я былъ на послушаніи келейникомъ у о. памѣтника,—ночью діаволь вошелъ въ мою келлію чувственнымъ образомъ, въ видѣ сѣдого старика, схватилъ меня за ногу и потащилъ вонъ изъ келліи, приговаривая:

выходи вонъ изъ монастыря! При такомъ дерзкомъ его поступкѣ, пришлось мнѣ скакать на одной ногѣ до дверей келліи, гдѣ сатана отпустилъ ногу, самъ исчезъ, а я, оправившись, сталъ на обѣ ноги и обратился молитвенно къ Богу. Послѣ такового видимаго дѣвольскаго искушенія, постигло меня невидимое искушеніе отъ того же врага: меня стали смущать мысли, чтобъ я возвратился опять въ міръ. На помощь сему искусителю явились и мои родственники, которые стали писать мнѣ, чтобъ я возвратился обратно въ міръ, обрисовывая мнѣ всю красоту мірской жизни. Въ это же время какими-то путями, при всей затруднительности сообщенія въ то время, добралась до Валаама родная моя сестра, которая тоже стала упрашивать меня убѣдительно, чтобъ я возвратился опять въ міръ. Такъ, Богу попускающу, мысленный врагъ всѣми искушеніями, видимыми и невидимыми, со всѣхъ сторонъ окружилъ меня: я сталъ колебаться. Притомъ, разсуждалъ, что если жить въ монастырѣ, то прежде всего нужно достать увольненіе. Подъ этимъ, какъ будто добрымъ предлогомъ я выпросился у о игумена Веніамина съѣздить домой—за увольненіемъ; о. игумень отпустилъ, и я поѣхалъ. Врачу челоѣчества это и нужно было—подъ какимъ бы то ни было предлогомъ исторгнуть меня изъ монастыря. Когда я возвратился въ міръ, тутъ обступили меня всѣ прелести міра сего; родные мои стали уговаривать меня жениться, обѣщая многое. При такихъ сильныхъ убѣжденіяхъ, искусившихъ меня, я сталъ склоняться; прежнее мое усердіе къ иноческой жизни стало ослабѣвать; я согласился на предложеніе родныхъ—жениться—тутъ и конецъ всему: Богу попускающу, врагъ

свое сдѣлалъ. Сталъ я жить обычною мірскою жизнію; торговалъ, ѣздилъ въ Нижегородскую ярмарку; все шло по внѣшности какъ будто-бы ладно, разумѣется—не безъ кораблекрушенія душевнаго. Но вотъ милость Божія снова явилась на мнѣ. Жена моя, съ которой недолго пришлось жить, и дѣти мои померли. Лишившись любимыхъ моему сердцу, я какъ бы отъ сна проснулся, снова прозрѣлъ душевно и увидѣлъ, куда я уклонился отъ истиннаго Божьяго пути, увидѣлъ, что въ мірѣ семь все суета суетствій, оставилъ все и снова возвратился на любимый мною Валаамъ, уже при игуменѣ Дамаскинѣ, въ 1840 году».

Такимъ образомъ, Промыслъ Божій вновь привелъ его, уже искушеннаго испытаніями и окончательно убѣжденнаго въ ничтожествѣ суеты мірской, въ мѣсто предстоящихъ духовныхъ подвиговъ.

Поступивъ вторично на жительство въ Валаамскій монастырь, рабъ Божій Иларіонъ положилъ твердое и неизмѣнное намѣреніе идти къ спасенію путемъ послушанія. Первые три года прожилъ безъ приписки къ монастырю: необходимое время испытанія, чтобы опредѣлить, дѣйствительно ли у человѣка есть твердое намѣреніе посвятить себя трудному подвигу жизни иноческой. Затѣмъ, 27 февраля 1843 года, формально, по указу, опредѣленъ въ послушники, а 6 августа 1847 года постриженъ въ монахи и нареченъ Иринеемъ. Всегда съ полнымъ самоотверженіемъ и совершеннымъ отреченіемъ отъ своей воли несъ онъ всѣ тяжелыя послушанія, возлагаемыя на него отъ мудраго руководителя въ духовной жизни — игумена Дамаскина. Занимался съ усердіемъ

обработкой полей, уборкой и молотьбой хлѣба. Чтобы понять и оцѣнить, насколько эти труды были тяжелы для него, надо знать, что въ юные годы своей мірской жизни онъ занимался выдѣлкой сусальнаго золота, а потомъ, какъ уже выше сказано, по торговой части. Работа въ полѣ или въ ригѣ была, такимъ образомъ, для него непривычна и тѣмъ болѣе затруднительна. Кромѣ того, на немъ весьма продолжительное время лежало еще одно послушаніе — поѣздки по озеру на сорокаверстное разстояніе, въ гор. Сердоболь, съ почтой и по другимъ монастырскимъ надобностямъ. Въ этихъ поѣздкахъ многократно приходилось ему сражаться съ свирѣпостію волнъ и, съ опасностію для жизни, подвергаться всеѣмъ неудобствамъ пути по озеру въ разныя времена года. Въ началѣ зимы или весной случалось ему проваливаться сквозь слабый ледъ, но, избавленный отъ опасности, Богомъ хранимый, онъ снова небоязненно совершалъ свой трудный путь по дѣлу святаго послушанія. Разъ онъ зимою ѣхалъ съ почтою на лошади по льду. Когда переѣзжалъ переломъ льда, лошадь у него провалилась въ переломъ. Онъ былъ одинъ; помочь вытащить лошадь некому было; долго онъ бился, вытаскивая ее; наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ обратился молитвенно къ своимъ покровителямъ, преподобнымъ Сергію и Герману, Валаамскимъ чудотворцамъ, и простосердечно воскликнулъ: «Преподобные отцы Сергій и Германъ! вы видите, что я одинъ не могу лошадь вытащить и вотъ ужъ изъ силъ выбился. Неужели вы попустите, чтобы монастырская скотинка погибла? Это будетъ монастырю ущербъ и мнѣ скорбь — помогите мнѣ!» Съ этими словами

онъ взялся снова тащить изъ воды лошадь — и что-же? Откуда подоспѣла невидимая сила — помощь угодниковъ Божіихъ: лошадь онъ моментально вытащилъ и поѣхалъ дальше, продолжая путь по дѣлу святого послушанія. Такъ онъ самъ рассказывалъ. Вотъ что значитъ твердая, живая вѣра. А эта живая, горячая вѣра въ помощь Господа Бога и Его святыхъ угодниковъ всегда составляла выдающуюся, отличительную черту въ почившемъ: чистая, дѣтская, святая вѣра и такая же святая простота. У насъ сохранились два драгоцѣнные для насъ документа, писанные покойнымъ собственноручно, относящіеся именно къ его опаснымъ путешествіямъ по Ладожскому озеру и прекрасно обрисовывающіе вышеупомянутую особенность его личности — его глубокую вѣру. Для тѣхъ, кому, какъ и намъ, дорогъ каждая сама малѣйшая черта въ жизни, личности и характерѣ почившаго подвижника, приводимъ эти безыскусственные, простые писанія его полностію, отъ слова до слова: I) «Памятная репортичка. 1842 года, мѣсяца декабря, 28 числа, съ почтой изъ деревни Отсоненъ пошли въ двѣнадцатомъ часу поутру. Пошли на озеро. Четыре человѣка насъ было. Отошли отъ берега въ озеро на Валаамъ. Отошли отъ берега шесть верстѣ. Подулъ вѣтеръ меженикъ, сильный. Тогда ледъ оторвало отъ берега, понесло въ озеро, начало ломать, переломало въ полчаса. Ледъ толщиною въ два вершка. Мы бѣжимъ по льду, перескакиваемъ по льдинамъ. Сломало на штуки (на куски). Ледъ идетъ въ море (въ озеро). Добѣжали до половины озера — переломъ въ 40 сажень ширины. Тогда я побѣжалъ, нашель льдину — четырехъ человѣкъ подымаетъ. Встали

на льдину, помолились на монастырь, угодниковъ просили на помощь Сергія и Германа, Николая Чудотворца, и перенесло (черезъ) переломъ. Опять побѣжали впередь. Добѣжали до другого перелома, въ 60 сажень ширины. Я опять нашель льдину. Помолились на монастырь и встали на льдину. И понесло насъ. Страшно было намъ стоять: боялись, что сломаетъ (льдину) волной. На льдинѣ воды было 2 вершка. Перенесло переломъ. Опять побѣжали впередь. Ледъ идетъ въ море (въ озеро). Мы бѣжимъ по льдинамъ, перескакиваемъ по льдинамъ. Ледъ гладкій (скользкій). Нельзя было въ сапогахъ идти. Сняли сапоги, въ чулкахъ шли, сапоги въ рукахъ несли. Какое мученіе намъ было! Стало темнѣть. Островъ недалеко, полверсты не добѣжали до острова. Отъ острова ледъ сто сажень ширины. Попасть нельзя на островъ. Кругомъ вода. Ледъ остановился на-противъ скитскихъ горъ. Прибѣжали—темно стало. Бѣгаемъ, грѣмся: на ногахъ чулки мокрые и портянки (мокрыя). Ногамъ холодно очень. Пришли къ острову въ 8 часовъ вечера. Морозу 12 градусовъ. Дожидали, когда замерзнетъ переломъ,—до перваго часа дожидали. Пришли на Предтеченскій островъ во второмъ часу по полуночи. Ночевали въ рыбацкой избѣ. Поутру встали—смотримъ; ледъ унесло; чисто на озерѣ. Какой страхъ былъ намъ смотрѣть: только перешли на островъ, ледъ унесло въ море (въ озеро). Пришли поутру въ монастырь, рассказываемъ о своемъ путешествіи. Въ мою бытность, на озерѣ восемь разъ лошадь въ переломахъ проваливалась по уши. Иногда одинъ ѣдешь на берегъ. Три раза случалось на озерѣ ночевать съ лошадыю.

Погода со снѣгомъ страшная; съ дороги собьешься въ сторону. Я возьму—лошадь выпрягу, къ санямъ привяжемъ. Съ мальчикомъ сами въ саняхъ сидимъ, до свѣту дождаемъ.—Валаамскаго монастыря грамота. При игуменѣ Дамаскинѣ случилось“. II) „1864 года, мѣсяца октября, памятная репортичка, что случилось намъ на озерѣ. Отправились отъ Никольскаго острова въ озеро на почтовой лодкѣ, при одномъ парусѣ, вѣтеръ былъ сильный, въ десять часовъ поутру. Вѣжали до берега 2 часа. Водой забрызгало; одежда на насъ замерзла; перезябли на лодкѣ. Не добѣжали до залива 50 сажень, — вдругъ ударилъ вѣтеръ изъ залива встрѣчу паруса: тогда понесло лодку къ острову Хабасаръ. Волны катяты со всего озера на островъ. Бросаетъ на десять сажень. Разсыпается волна по каменьямъ. Страшно было смотрѣть намъ. Тогда несло лодку къ острову. Тогда видѣли смертный часъ. Ожидали, когда лодку донесло до острова. Мы думали,—ударить лодку о скалу. Лодка дошла до скалы, не стукнулась, остановилась легко. Тогда народъ бросился на берегъ съ лодки. Полминуты времени не было—волна покрыла насъ на каменьяхъ. Сажень воды было, но скоро назадъ ушла. Тогда далеко убѣжали на гору. Когда въ водѣ были, лодка не пошла черезъ насъ. Когда убѣжали далеко, тогда лодку бросило далеко на каменья—отъ воды 8 сажень. Тогда благодарили Бога и угодниковъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ спасли отъ великой бѣды. Тогда помолились на монастырь, благодарили Бога, что остались живы, и угодниковъ нашихъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ сохранили. Часъ пополудни. Тогда

побѣжали на гору острова. Кругомъ острова вода: нельзя попасть съ острова; лодокъ нѣтъ; отъ острова до деревни двѣ версты. Бѣгали по острову, кричали. Никого не видать. Устали бѣгать, не можемъ и ходить. На всѣхъ одежда мокрая, ничего сухого не было. Одежда замерзла на насъ. Ноги—какъ чурки стали. Очень трудно было намъ. Мы думали, — погибнемъ отъ морозу. Спички у всѣхъ подмочило. Однако достали огонь. Благодарили за огонь Бога и угодниковъ нашихъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ сохранили отъ великой бѣды. Огонь достали въ девять часовъ вечера. Дрова сырые, не горятъ. Вѣтеръ со снѣгомъ. До свѣту стояли у огня. Дымъ. Глаза изъѣло дымомъ. Сѣна нашли стожокъ. Закладали за одежду—полегче стало намъ отъ сѣна. Хлѣбъ унесло — три хлѣба. Сутки безъ хлѣба жили. Поутру сдѣлали плотъ изъ жердей и перѣхали на берегъ. Достали лодку, пріѣхали на островъ Хабасаръ за нами и перевезли въ деревню, на островъ Самосаръ. Народу на лодкѣ 13 человекъ. Одежда худая на нихъ: народъ бѣдный. Островъ вышины 40 сажень. Лѣсу мало очень, чистый каменный. Островъ Хабасаръ отъ монастыря разстояніемъ 23 версты. При игуменѣ Дамаскинѣ случилось. Лодку сломало о каменя. Хоть сами спаслись, слава Богу!—Мѣсяца октября, 26 числа.—Въ мою бытность много случилось: 28 лѣтъ на озерѣ Ладожскомъ“.—Смотрите, какая чистая и глубокая вѣра, какая ясность взгляда, какая святая простота, какая твердость духа въ исполненіи обязанностей послушанія! Тутъ есть чему поучиться.

Былъ онъ также на послушаніи въ просфорной.

Какъ человѣкъ хорошо грамотный и вообще не чуждый книжнаго ученія, исполнялъ чреды церковнаго чтенія по нѣскольку разъ въ недѣлю. Въ то время число братій на Валаамѣ было несравненно меньше; безъ сомнѣнія, меньше было и грамотныхъ, такъ-что не приходилось назначать особаго чтеца на каждый день; притомъ, конечно, дорожили, какъ и теперь, хорошимъ чтеніемъ. Обладая пріятнымъ теноромъ, онъ принималъ участіе и въ клиросномъ пѣніи.

По причисленіи къ братству Валаамской обители (въ мантию онъ былъ постриженъ, какъ мы сказали, 6-го августа 1847 года, съ именемъ Иринея), принявъ совершенные обѣты житія иноческаго, онъ ревновалъ къ бѣльшимъ подвигамъ и стремился духомъ на пустынное, уединенное житіе. Будущій подвижникъ имѣлъ подобающее высокое понятіе о санѣ и отвѣтственныхъ обязанностяхъ священнослужителя; несмотря на всѣ свои нравственныя достоинства, онъ никогда не домогался сего сана и вообще, какъ истинный монахъ, чуждъ былъ всякихъ стремленій къ какимъ бы то ни было отличіямъ, повышеніямъ и преимуществамъ. Самъ онъ не домогался; но, по нѣкоторомъ времени, ему было предложено отъ настоятеля принять санъ священства. Будучи воистину, — не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, — *нищъ духомъ и смиренъ сердцемъ*, въ точномъ смыслѣ ученія Евангельскаго, онъ отказывался отъ сего предложенія, неліце-мѣрно ссылаясь на свое недостойнство. Но онъ твердо помнилъ, что, при постриженіи въ монашество, онъ далъ обѣтъ полнаго послушанія, обѣтъ совершеннаго отреченія отъ *своей* воли, и разсуждалъ: симъ отказомъ не про-

гнѣваетъ ли онъ Бога, какъ-бы изъявляя *свою* волю? Колеблясь духомъ, онъ прибѣгнулъ за рѣшеніемъ къ о. игумену Дамаскину, съ полною вѣрою и готовностію принять рѣшеніе своего колебанія отъ настоятеля, какъ отъ самого Бога.—„Батюшка!—сказалъ онъ о. игумену Дамаскину: отъ вашего предложенія принять мнѣ санъ священства я хотѣлъ бы отказаться, ибо сознаю свое недостойнство; но, чтобы впослѣдствіи не тревожила меня мысль, что я сдѣлалъ это по *своей* волѣ, безъ совѣта настоятеля, рѣшите вы сами: идти ли мнѣ въ священство, или нѣтъ?“—Мудрый настоятель, подумавъ мало, сказалъ ему: „Да, священство—великое дѣло; принявъ священство, надо быть житіемъ какъ ангелу, а человѣкъ немощенъ: оставайся-ка такъ, простымъ монахомъ“.—Принявъ рѣшеніе отъ настоятеля, какъ отъ самого Бога, онъ остался въ спокойствіи духа на все продолженіе своей жизни.

Мы видѣли уже, что онъ проходилъ многія и разнообразныя послушанія. Между прочимъ, поручена ему была должность келліарха, въ которой онъ пробылъ много лѣтъ въ трудное для Валаама время, когда здѣсь было не мало такъ-называемыхъ *подначальныхъ* отъ лицъ духовныхъ, а иногда и свѣтскихъ, посылавшихся за разные проступки для духовно-нравственнаго и религіознаго исправленія. Между этими *подначальными* бывали люди значительные по своему общественному и прежнему служебному положенію, а главное—бывали люди безпокойные и прямо буйные, которые могли оказать вредное вліяніе и на валаамскую братію. Необходимо было всѣми мѣрами предупредить возможность смуты, которую склонны

были сѣять и дѣйствительно сѣяли *подначальныя*. Келліархъ, по самому свойству своего послушанія, своей должности, имѣеть самыя непосредственныя отношенія и къ членамъ братства, и ко всѣмъ вообще живущимъ въ монастырѣ. Онъ—ближайшій помощникъ настоятеля въ дѣлѣ охраненія общаго монастырскаго порядка и благочинія. И, конечно, много нужно было опытности, осторожности въ обращеніи съ людьми, такта и умѣнья, чтобы при такихъ неблагопріятныхъ уловіяхъ установленный порядокъ монастырской жизни не колебался. Всѣ вышеупоманутыя качества были необходимы не только настоятелю, который, какъ извѣстно, обладалъ ими въ совершенствѣ, былъ истинный мудрецъ, но и келліарху также, да послѣднему, при ежедневныхъ, постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ людьми безпокойными и буйными, сверхъ того, надо было умѣть терпѣть обиды и переносить, незаслуженныя оскорбленія отъ людей, которые часто дѣлали крупныя непріятности и самому настоятелю. Нелицемерное смиреніе о. Иринея было тутъ весьма кстати. Отецъ Иринея былъ весьма близокъ къ игумену Дамаскину, и послѣдній, зная въ немъ истиннаго послужника и всегда вѣрнаго исполнителя своихъ приказаній и порученій, посылалъ его для увѣщанія буйныхъ *подначальныхъ*, чтобы они имѣли покорность къ настоятелю, сами не бунтовали и не мучили братію. Нерѣдко, возвратясь отъ нихъ, онъ доносилъ настоятелю: „Батюшка! былъ я, по вашему благословенію, у *подначальныхъ*, для увѣщанія; но они до того разбушевались, что пишутъ на васъ доносъ и увѣрены въ своемъ предпріятіи,—что много надѣлаютъ вамъ зла“.—Мудрый на-

стоятель, исполненный упованія на Бога, имѣя залогомъ безупречную совѣсть и чистоту своихъ дѣйствій и намѣреній, говорилъ ему съ твердостью духа: „Не бойся, чадо! Всѣ эти возмутители, возстающіе противъ власти, Богомъ поставленной, скоро исчезнуть и сами впадутъ въ яму, которую искапываютъ“.— Это и дѣйствительно сбывалось въ точности. Богу содѣйствующу, тяжелая пора такихъ буйныхъ *подначальныхъ* миновала для Валаама благополучно, нисколько не пошатнувъ его, — какъ въ свое время не стерли его съ лица земли и болѣе тяжкія испытанія и бѣдствія.

Игуменъ Дамаскинъ любилъ о. Иринея и въ своихъ путешествіяхъ по островамъ въ окрестности Валаама часто бралъ его съ собою. И тутъ случалось, что слабый весенній ледъ, по которому они переходили, ломался подъ ихъ ногами, и приходилось проваливаться; но, хранимые благодатію Божіею, они освобождались отъ опасности и продолжали свой путь по дѣламъ послушанія благополучно.

Отецъ Иринея всегда имѣлъ желаніе удалиться на пустынное житіе, дабы работать Богу наединѣ. Игуменъ Дамаскинъ похвалялъ его доброе намѣреніе; но время еще не приспѣло. Наконецъ, при основаніи Предтеченскаго скита, 1857 году, рука отца Иринея первая начала рубить лѣсъ, очищая мѣсто для созиданія скита въ честь Славнаго Пророка и Предтечи Господня Іоанна. По созиданіи скита, онъ первый и поселился на жительство въ этомъ скиту, при самыхъ постническихъ условіяхъ жизни; а впослѣдствіи, при постриженіи въ схиму, 13

августа 1870 года, наследовалъ и имя великаго угодника Божія—Іоанна.

Слишкомъ *тридцать лѣтъ* подвизался о. Іоаннъ въ Предтеченскомъ скиту¹⁾. По свидѣтельству нынѣшняго настоятеля Валаамской обители, о. игумена Гавріила, подвиги о. Іоанна здѣсь были необычныя; труды—превосходящія силы; молитва—непрестанная. И это свидѣтельство не есть свидѣтельство, слышанное отъ другихъ, но свидѣтельство очевидца. Молиться онъ любилъ болѣе въ церкви; въ келлію же свою приходилъ только для чтенія отеческихъ книгъ и для краткаго отдыха. Онъ говаривалъ: „Зачѣмъ мнѣ въ келліи молиться, когда у насъ есть двѣ церкви? Вѣдь, въ церкви обитаетъ самъ Господь: за то и мнѣ утѣшительно тутъ совершать молитвенныя подвиги, и я тутъ—какъ на Оаворѣ съ Господомъ, осіяваемый небеснымъ свѣтомъ“. Съ глубокой ночи онъ приходилъ въ церковь и тутъ въ потьмахъ, безъ огня, упражнялся въ молитвѣ, богомыслии и клалъ много поклоновъ. Когда же приближалось время общаго утренняго правила, онъ обходилъ по пустынькамъ (отдѣльнымъ домикамъ скитскимъ) и приглашалъ старцевъ на утреннее славословіе, которое нерѣдко совершаемо было и безъ огня, наизусть.—„А что забудешь,—говорилъ смиренный пустынный извѣстному, выше нами упомянутому писателю,—падешь ницъ и своей малоумной молитвой дополнишь. Словъ не хватить, слезами. Оно точно какъ слѣдуетъ и выходитъ“²⁾. Обыкновенно пустынножители

¹⁾ Хотя первые годы своего пребыванія въ Предтеченскомъ скиту почившій носилъ еще имя Иринаея, но для удобства будемъ отсель называть его послѣднимъ схимническимъ именемъ, т. е. о. Іоанномъ.

²⁾ *Крестыанское царство*, т. I, стр. 204.

Предтеченскаго скита собирались на общее молитвенное правило зимою въ нижнюю (теплую) церковь во имя трехъ Святителей, а лѣтомъ — въ верхнюю (холодную) во имя Іоанна Предтечи. Отець Іоаннъ всегда, не взирая и на зимніе морозы, послѣ общаго молитвеннаго богослуженія, уходилъ въ верхнюю церковь и тамъ пребывалъ долго, совершая въ алтарѣ, предъ распятіемъ, стоящимъ на горнемъ мѣстѣ, множество земныхъ поклоновъ, такъ-что отъ поклоновъ его на этомъ мѣстѣ образовались на полу знаки (пятна). Нынѣшній настоятель, игумень Гаврииль, какъ мы говорили, жительствовавь тогда, еще въ юныхъ лѣтахъ, при о. Іоаннѣ на Предтеченскомъ островѣ. — „Зачѣмъ ты, о. Іоаннъ, — спрашивалъ онъ подвижника, — въ такіе морозы ходишь молиться въ верхнюю церковь? Вѣдь, тамъ холодно. Не лучше ли тебѣ молиться въ нижней церкви? Тамъ теплѣй“. — „Въ холодной церкви, — отвѣчалъ тотъ, — мнѣ не такъ жарко класть опредѣленные схимническіе поклоны, которые я обязанъ каждодневно исполнять“. — Четки въ рукахъ у о. Іоанна постоянно были въ дѣйствиі: онъ всегда перебиралъ ихъ съ молитвою; а на плечахъ у мантии всегда можно было видѣть либо большія заплатаки, либо пробоины отъ постоянного ударенія по этимъ мѣстамъ при совершеніи крестнаго знаменія во время поклоновъ.

Отець Іоаннъ (какъ извѣстно всѣмъ, кто имѣлъ счастье знать его) былъ довольно словоохотливъ, — что, впрочемъ, вытекало изъ самыхъ свѣтлыхъ, привлекательныхъ качествъ его личности: добродушія и чистоты сердечной. Онъ любилъ говорить и умѣлъ говорить хорошо, складно. Съ первоначальнаго поступленія своего на житель-

ство въ Предтеченскій скитъ о. Іоаннъ, съ благословенія игумена Дамаскина, предпринялъ великій подвигъ—подвигъ *молчанія*, въ которомъ провелъ *четырнадцать лтъ*. Отецъ игумень Дамаскинъ, желая ввести его въ бѣдшіе подвиги и связать молчаніемъ его словоохотливый языкъ, дабы такимъ путемъ, въ тихомъ пустынномъ уединеніи, при совершенномъ молчаніи, онъ могъ болѣе достигнуть чистоты ума и сердца, а при томъ предостерегая его отъ возношенія, или гордости духовной, которая обычно преслѣдуетъ подвижниковъ благочестія,—далъ ему такой урокъ: „Вотъ ты, о. Іоаннъ, считай себя недостойнымъ говорить съ людьми, — молчи. Говорить, или бесѣдовать, разрѣшается тебѣ только съ Богомъ, въ церкви, при совершеніи молитвенныхъ славословій, и, *въ случаѣ нужды*, съ настоятелемъ и съ духовникомъ, при откровеніяхъ и исповѣдяхъ“. Такъ онъ и проводилъ свою жизнь въ молчаніи, хотя съ прочею братіею постоянно находился въ общихъ трудахъ, какъ-то: въ воздѣлываніи огородовъ, садовъ, въ лѣсныхъ работахъ и т. п. Со всѣми и всегда держалъ себя такъ, какъ бы вовсе не умѣлъ говорить; въ церкви же, при богослуженіи, пѣлъ и читалъ громогласно. Легко ли было совершить такой подвигъ человѣку словоохотливому, а главное — легко ли было привыкнуть такому человѣку къ безмолвію?—можетъ разсудить всякій. Между тѣмъ, о. Іоаннъ пробылъ въ совершенномъ молчаніи *четырнадцать лтъ!* Вотъ поучительный примѣръ силы воли и твердости характера! И, безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ бы свой великій подвигъ и долѣе. Но мудрый руководитель и наставникъ валаамскихъ иноковъ въ

подвигахъ духовныхъ, игуменъ Дамаскинъ, испытавъ довольно его послушаніе и дабы онъ не превознесся умомъ, не возгордился своимъ сверхобычнымъ подвигомъ, приказалъ ему разрѣшить молчаніе и снова говорить, какъ обычно, сказавъ ему: „Ну, о. Іоаннъ, ты недостойнъ такой великій подвижъ нести, говори опять, какъ и обычно“. И смиренный подвижникъ съ нелицемѣрной покорностью принялъ это приказаніе отъ настоятеля, какъ отъ самаго Бога, повинувъсь ему во всемъ, и съ тѣхъ поръ сталъ опять говорить со всѣми.

Въ Предтеченскомъ скиту о. Іоаннъ прожилъ, какъ выше сказано, болѣе 30 лѣтъ, при самомъ строгомъ постническомъ уставѣ. Пища тамъ опредѣлена всегда постная, исключительно растительная; рыбную или молочную пищу не дозволяется употреблять никогда, хотя бы даже и въ великіе праздники; даже и чай пить не дозволялось. При такихъ постническихъ строгихъ правилахъ, онъ всегда былъ легокъ, веселъ и здоровъ. Оставшееся отъ молитвы время онъ употреблялъ на совмѣстныя работы съ прочею братією: пилилъ въ лѣсу дрова, проводилъ по острову дороги, воздѣлывалъ садъ и огородъ, а въ зимнее время дѣлалъ изъ осины лукошки и плелъ изъ вѣтвей мебель и корзины для монастырскихъ надобностей ¹⁾).

Пусть теперь, кстати, скажетъ о немъ свое слово человекъ мірской, человекъ иныхъ — не нашихъ взглядовъ, человекъ совершенно посторонній, совершенно чуждый Ва-

¹⁾ Очень искусно сдѣланное большое лукошко, или точнѣе—коробъ, и нѣсколько простыхъ, теперь уже весьма старыхъ, плетеныхъ изъ вѣтвей стульевъ его работы и понынѣ сохраняются въ Предтеченскомъ скиту.

лаамской обители и притомъ вообще не сочувствующій монашеству. Приведемъ мѣста, наиболѣе ярко очерчивающія разныя стороны во всѣхъ отношеніяхъ привлекательной личности и характера почившаго подвижника ¹⁾).

Сначала рѣчь идетъ о подвигѣ молчанія, затѣмъ объ удивительной бодрости и юношеской энергіи подвижника; тогда (въ 1880 году) уже *семидесятилѣтняго* старца, а вмѣстѣ и о другихъ его качествахъ: «Вынести подобное испытаніе ужасно. На Иринеѣ оно даже и не отразилось. Онъ свѣжъ, бодръ, говорливъ, какъ въ первое время своего пребыванія въ обители. На этомъ маленькомъ островѣ (т. е. на Предтеченскомъ) онъ уже около двадцати лѣтъ и любитъ его, какъ капитанъ свой корабль. Оставляетъ его онъ только въ годовые праздники; тогда, отслушавъ обѣдню, онъ и трапезуетъ вмѣстѣ съ братіей (т. е. въ монастырѣ), а окончивъ трапезу, немедля возвращается въ свою пустынь. Онъ ее и украсилъ, какъ могъ, надъ каждымъ клочкомъ ея работаетъ, какъ прилежный рабъ въ притчѣ.—Иринеѣ и до сихъ поръ само смиреніе и привѣтъ. Какихъ-бы ни былъ убѣжденій человекъ, изъ бесѣды съ нимъ онъ вынесетъ отрадное впечатлѣніе неослабѣвающей бодрости и энергіи; молодая сила въ организмѣ старческомъ. У о. Иринея отъ лѣтъ ужъ сѣдой

¹⁾ Напередъ замѣтимъ, что писатель, изъ котораго мы уже дѣлали и будемъ дѣлать выдержки, ошибочно называетъ нашего подвижника прежнимъ именемъ—Иринея, ибо въ то время, къ которому относится разсказъ (1880 г.), о. Иринеѣ уже принялъ схиму и назывался Іоанномъ. Въ остальномъ разсказъ писателя прекрасно и съ замѣчательной вѣрностью передаетъ все, даже до точныхъ выраженій, о. Іоанна, и за это, конечно, не мы одни должны сказать ему большое спасибо.

пухъ изъ ушей повыросъ, а онъ навѣрное больше насъ съ вами и ходить, и работаетъ».

Примѣровъ послушанія, совершеннаго отреченія отъ *своей* воли и глубокаго смиренія о. Іоанна мы видѣли довольно и еще увидимъ; а вотъ свидѣтельства о его совершеннѣйшей нестяжательности:

«Онъ плететь тонкіе осиновые короба, спитые черемховымъ лыкомъ, мебель изъ вѣтвей.

— Посылаемъ въ обитель, тамъ продаютъ во славу Божию, должно быть.

— Деньги за проданное кому-же, вамъ?

— Намъ деньги? Зачѣмъ намъ деньги? У насъ и въ обители монахъ денегъ не видитъ. Куда я возьму деньги. Я и забылъ о нихъ, понятія теперь не имѣю, какія онѣ нынѣ...»

Еще примѣръ:

„Мы обошли островъ и въ одномъ изъ лѣсныхъ участковъ замѣтили простой срубъ.

— Моя келья!—повель насъ отецъ Ириней.

Крохотная горенка и другая такая-же. Голыя нары, подъ голову полѣно. Вотъ и вся обстановка“.

Всѣ мысли подвижника постоянно и неизмѣнно были направлены къ Богу, къ Которому онъ всецѣло прилѣпился своей безгранично-вѣрующей душой, своимъ чистымъ, любящимъ сердцемъ. Въ Богѣ онъ справедливо искалъ и находилъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни и своеобразное объясненіе явленій природы:

— Мрачно у васъ. Скучно.

— Съ Богомъ и въ лѣсу жизнь, а безъ Бога и въ раю соскучишься!

Внутри церковь совершенно проста и скудна, какъ подобаеть въ пустынь.

— Церковь молитвой держится, а не окладами. Въ убогой церкви еще лучше Бога зришь. Не заставлень Онъ отъ тебя сокровищемъ.—Вотъ пойдете, покажу я вамъ красоту неописанную. Картину такую, какую земнымъ художникамъ не написать. Небесный художникъ ее рисоваль. (Пошли къ кресту).

— Удивляюсь, о. Иринеи, какъ это вы такую бодрость еще сохранили. Подвигъ вашъ трудень. Пища скудная.

— А что березку на камнѣ питаетъ? Ишь, она выскочила сдуру, а Богъ ей сейчасъ и жизнь далъ. Вонъ она, поглядите-ка, какъ раскудрявилась. А откуда кажется. Пища у нея въ камнѣ скудная.

Мы спустились внизъ. Тропинка то и дѣло огибаетъ громадныя свалившіяся сверху скалы... Осыпей подозрѣвать здѣсь нельзя, нужно было остановиться на землетрясеніи, несмотря на сѣверное положеніе Валаама.

Я сообщилъ это о. Иринею.

— По вашему... А по моему, это когда на крестѣ Христось духъ испустиль. Земля потряслась, и камни распадашася... Только вдумайся, вездѣ слѣды этого найдутся.

— Отчего келья у васъ, о. Иринеи, внизу, а не на верху?

— А тамъ какъ-бы Ѡаворъ. Мы, какъ апостолы, внизу, а Господь невидимо наверху присутствуетъ.

— Скучно тутъ, вырвалось у меня.

— Соскучишься, такъ кричи: Господи помилуй! Господи помилуй! Ну, какъ дитя вотъ... Господь услышитъ, Онъ утѣшитъ *).

Отецъ Іоаннъ и по времени своего долготѣшняго пребыванія, и по возрасту былъ старшимъ въ Предтеченскомъ скиту, хозяиномъ скита—что касается несложнаго его управленія, а для младшихъ членовъ скитскаго братства былъ, сверхъ того, руководителемъ въ жизни духовной, наставникомъ, учителемъ и живымъ примѣромъ для подражанія. Жизнь въ скиту у тамошнихъ обитателей, при всей внѣшней скудости, была въ то время *истинно райская*, по выраженію нынѣшняго настоятеля, о. игумена Гавріила, прожившаго тамъ съ о. Іоанномъ болѣе шести лѣтъ, съ первоначальнаго поступленія, въ юности своей, на жительство въ монастырь, имѣвшаго счастье быть его ученикомъ и навсегда сохранившаго глубокую привязанность и живѣйшее чувство сердечной благодарности къ своему бывшему наставнику и руководителю при первыхъ шагахъ на иноческомъ поприщѣ.—„Жили мы,—разсказываетъ о. игумень Гавріиль,—въ Предтеченскомъ скиту, какъ-бы въ раю Божиѣмъ. Старцы обитали уединенно въ своихъ отдѣльныхъ кельяхъ, расбросанныхъ по лѣсу, а мы, юные, жили въ саду, на горѣ, въ домикѣ при церкви. Отецъ Іоаннъ надъ нами начальствовалъ, а мы вели себя въ покорности къ нему. Онъ насъ будилъ по утрамъ на молитву, а послѣ молитвословія приходилъ трудиться вмѣстѣ съ нами. Чай не отнималъ времени у насъ, потому что мы его тамъ не пили; а вмѣсто чаю, въ это

*) *Крестыанское царство*, т. I, стр. 190—204.

время, мы согрѣвали души свои чтеніемъ божественныхъ и отеческихъ книгъ и изученіемъ наизусть псалтири и акаѳистовъ: за то, какъ на душѣ-то было тепло, радостно, весело, въ сердцѣ вѣяла полнота святой благодати. Тишина и спокойствіе внутреннее, при внѣшней пустынной обстановкѣ и истинномъ между собою братолюбіи, жизнь нашу дѣлали какъ-бы райскою; жители были какъ-бы ангелы, а не человѣки“. Таковы впечатлѣнія не старца, доживающаго остатки дней своихъ, а юноши, едва начинавшаго жизнь. Пусть-же тѣ, которые слишкомъ преданы минутнымъ благамъ жизни и всей вообще мірской суетѣ, убѣдятся отсюда, что не въ роскоши, не въ богатствѣ, не въ деньгахъ, не въ удовлетвореніи страстей заключается истинное счастье человѣка, а единственно въ близости его къ Богу, какъ существа, созданнаго по образу и по подобию Божію.

Во имя полной правды и дабы не умалить значеніе почившаго, здѣсь умѣстно будетъ сказать, что духовно-нравственное вліяніе воспитателя-подвижника, при уединеніи пустыни, располагающемъ умъ и сердце къ Богу, дѣйствительно въ высшей степени благотворно и притомъ на всю жизнь отразилось на нынѣшнемъ настоятелѣ Валаамской обители, о. игуменѣ Гавріилѣ. Да и не на немъ одномъ. Подъ руководствомъ о. Иоанна тамъ-же, въ Предтеченскомъ скиту, положилъ прочное начало иноческой жизни нынѣшній казначей Валаамскаго монастыря, соборный іеромонахъ о. Евгеній. Подъ его-же руководствомъ, такъ сказать, выросъ, съ лѣтъ отрочества, валаамскій іеромонахъ о. Андроникъ, нынѣ настоятель Введенской пустыни. Само собой понятно, что на важныя и отвѣтственныя долж-

ности, какія занимають названныя лица. избираются люди выдающіеся не только по умственнымъ, но и по нравственнымъ качествамъ. Это тѣмъ болѣе очевидно, что какъ игумень о. Гавріиль, такъ и казначей о. Евгеній заняли свои мѣста, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста,— что на Валаамѣ составляетъ рѣдкость. Непокосленимо-твердымъ религіозно-нравственнымъ направлениемъ въ духѣ христіанскомъ они обязаны, конечно, въ значительной мѣрѣ о. Іоанну, равно какъ ему-же обязаны и нѣкоторыми, такъ сказать, внѣшними сторонами своего иноческаго воспитанія. Они—образцовые чтецы и отличные знатоки церковнаго устава. Въ трудахъ, въ церковномъ бдѣніи, въ строгомъ храненіи старинныхъ монастырскихъ уставовъ и правилъ они — живой примѣръ для братіи. Все это не второстепенно, а существенно важно для лицъ, имѣющихъ первенствующее и руководящее значеніе въ такой обширной обители, какова Валаамская,— для настоятеля и его ближайшаго сотрудника по управленію монастыремъ — казначея. Игумень Дамаскинъ — создатель духовно-нравственнаго величія Валаама; ему вѣчно обязанъ Валаамъ; память его никогда не умретъ. Отецъ Іоаннъ былъ близкій ученикъ Дамаскина, истинный послушникъ въ исполненіи велѣній мудраго настоятеля и многоопытнаго наставника и своимъ ученикамъ въ совершенствѣ сумѣлъ передать духъ и направленіе незабвеннаго обновителя Валаама. Они неуклонно продолжаютъ святое и великое дѣло во славу Божию, на пользу всей братіи и всѣхъ, соприкасающихся съ Валаамомъ.

По постриженіи въ схиму (13 августа 1870 г.), о. Іоаннъ пробылъ въ Предтеченскомъ скиту еще болѣе

пятнадцати лѣтъ. Въ бытность свою здѣсь онъ лишился одного глаза. Проходя изъ церкви черезъ садъ, онъ накололъ глазъ сучкомъ яблони. Хотя глазъ впоследствии и зажилъ, но всетаки о. Іоаннъ ослѣпъ на этотъ глазъ. Однако благодушный старецъ не скорбѣлъ объ этой потерѣ, а шутилъ, говаривалъ: «Будетъ съ меня и одного глаза. Слава Богу: Богъ оставилъ мнѣ хоть одинъ глазъ, я всетаки могу съ нимъ читать и Евангеліе, и апокрифы, и каѳизмы». Давно уже, еще въ 1872 году, зачисленный, по указу, въ заштатъ, въ число больничныхъ, онъ еще долго-долго послѣ того продолжалъ оставаться однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ членовъ братства, — дотолъ, доколъ позволяли силы. Наконецъ, старость (тогда шла уже вторая половина восьмого десятка лѣтъ его жизни) началъ давать ему чувствовать себя изнеможеніемъ силъ тѣлесныхъ, но только тѣлесныхъ, а отнюдь не духовныхъ: духомъ онъ оставался бодръ даже до послѣднихъ дней своей жизни. Въ виду ослабленія тѣлесныхъ силъ, ему благословлено было настоятелемъ изъ Предтеченскаго скита перейти на жительство въ Коневскій скитъ, — тоже постнической, но съ той разницей, что въ Коневскомъ скиту чай былъ дозволенъ; а старцу не излишне было согрѣть иногда себя чайкомъ, поддержать свои упадавшія силы, чтобы онъ могли понести обычные подвиги. Но здѣсь онъ недолго пожилъ. Шли годы. Время брало свое. Старческія силы слабѣли все болѣе и болѣе. Чтобы не дать ему дойти до полного истощенія силъ, онъ былъ переведенъ изъ Коневскаго скита въ монастырскую больницу, гдѣ и прожилъ до самой своей кончины.

Въ монастырѣ, въ больничномъ корпусѣ, онъ проводилъ жизнь такъ же, какъ и въ пустынѣ. Обычно шло у него келейное правило, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ поклоновъ, чтенія Евангелія и Псалтири. Кромѣ того, читалъ и отеческія книги. Хотя онъ читалъ и однимъ глазомъ, но всячески видѣлъ хорошо. Ежедневно неопустительно посѣщалъ всѣ службы церковныя—утрени, обѣдни, вечерни, всенощныя, и притомъ всегда выстаивалъ всѣ службы съ начала до конца. Обычно приходилъ онъ въ церковь много раньше начатія службы и до обѣдни вычитывалъ акаѳисты Спасителю и Божіей Матери. Слухъ, съ теченіемъ времени, сталъ у него крѣпковатъ, и онъ, для слуханія чтенія въ церкви, подходилъ ближе къ чтцу и стоялъ, слушая, у самаго наоя: „Вѣдь, слово Божіе, — говаривалъ онъ, — это пища для души. Какъ же я, стоя далеко и не слыша, буду лишаться душевной пищи?“.

Въ послѣдніе дни своей земной жизни о. Іоаннъ ходилъ уже какъ тѣнь, въ совершенномъ изнеможеніи силъ; и видѣлись у него однѣ кости, кожей обтянутыя. Простаивая продолжительное всенощное богослуженіе, онъ изнемогалъ до послѣдней крайности, но оставить службу и уйти не рѣшался. За всенощной подойдетъ, иной разъ, къ настоятелю, о. игумену Гавріилу, своему бывшему ученику. Поклонившись земно и взявъ благословеніе, поцѣлуетъ и наперсный крестъ у настоятеля и скажетъ: „Ахъ, какъ я изнемогъ; едва-то-едва стою; сколько разъ покушался уйти изъ церкви, да все перемогаюсь; вотъ ужъ скоро и конецъ всенощной, какъ-нибудь авось и достояю; ну, да некуда меня беречь:

таковскій стариченко, да и поють-то хорошо: уйти не хочется; къ двѣнадцати часамъ навѣрное кончится всенощная“. Иногда о. Іоаннъ ходилъ помолиться въ часовню, недалеко отъ монастыря. Тамъ проходящіе слышали его голосъ, молитвенно взывающій: „Господи, спаси меня! Царица небесная не оставь меня!“ А потомъ протяжнымъ голосомъ читалъ псалмы Давидовы.

Нерѣдко въ церкви подходили къ нему мірскіе люди, желая слышать отъ него слово назиданія. Онъ смиренно отвѣчалъ имъ: „Что полезное хотите вы услышать отъ меня — бесполезнаго? Я — козлище, никуда негодное, пустосвятъ; я васъ всѣхъ прельстилъ, одѣлся въ монашеское схимническое одѣяніе, какъ будто-бы что и значу; ничего я не значу, все пустота, хочу только начало доброе положить, да все не могу, никакъ съ своею лѣностью не справишься“. И онъ дѣйствительно до самой кончины всегда считалъ себя хуже и ниже всѣхъ и еще не положившимъ добраго начала духовной жизни: онъ водился духомъ истиннаго смиренномудрія. Нерѣдко случалось, что игумень Іонаѳанъ (управлявшій обителью послѣ Дамаскина и скончавшійся въ 1891 году), испытывая о. Іоанна, по какому-нибудь совершенно ничтожному случаю начнетъ жестоко укорять его и назначить въ наказаніе большое число земныхъ поклоновъ. Что же? Старецъ начнетъ себя еще болѣе того укорять, считая себя достойнымъ большихъ наказаній и укоризнъ, встанетъ на колѣни и проситъ сильнѣйшаго наказанія. „Мало мнѣ этого, накажите больше“. Игумень посмѣется, бывало, и скажетъ: „Ну, что съ тобой дѣлать; ничѣмъ тебя не одолѣешь: ты смиреніемъ все побѣждаешь“.

И смиреніе это отнюдь не было лицемѣрнымъ, наружнымъ смиреніемъ гордаго фарисея или человѣка, ищущаго людской славы, одобренія: послѣднее слишкомъ скоро прорывается наружу, даетъ узнать себя, добиваясь преобладанія, отличій, преимуществъ; да и не вяжется оно вовсе съ чистой и свѣтлой личностью нашего подвижника. Его смиреніе было искреннее, убѣжденное смиреніе; а источникомъ своимъ имѣло ясное сознаніе своей грѣховности, своей нечистоты предъ Божественнымъ совершенствомъ со стороны человѣка, достигшаго высокой степени духовнаго прозрѣнія. Извѣстно, что чѣмъ человѣкъ ученѣе, чѣмъ болѣе онъ знаетъ, тѣмъ яснѣе и — прибавимъ — болѣзненнѣе онъ сознаетъ свое невѣжество. Недаромъ древній мудрецъ говорилъ: „Я знаю, что я ничего не знаю“. А шестіе иноческимъ путемъ, путемъ креста, путемъ отреченія, путемъ подражанія Христу, непрестанное дѣятельное стремленіе къ наивысшей, конечной цѣли — къ усовершенствованію человѣческой личности въ духѣ и истинѣ ученія Господа и Спасителя нашего, — не есть ли величайшая и высочайшая изъ всѣхъ наукъ? Безъ сомнѣнія, такъ, ибо и цѣль этой науки существеннѣе, выше, обширнѣе цѣлей всѣхъ другихъ наукъ: цѣль ея не какія-нибудь временныя улучшенія, а вѣчное блаженство. Но что замѣчается при постепенномъ усовершенствованіи во всякой другой наукѣ, то же имѣетъ мѣсто при постепенномъ усовершенствованіи и въ этой наукѣ изъ наукъ. Различіе лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ болѣе совершенный въ наукѣ яснѣе сознаетъ свое невѣжество и ограниченность ума человѣческаго; во второмъ случаѣ — болѣе совершенный въ под-

вигѣ христіанскомъ яснѣе сознаеть и свою грѣховность и нечистоту, и слабость кичливаго разума. Отсюда: смиреніе должно быть и дѣйствительно бываетъ и у истинно ученаго человѣка, и у подвижника; только у подвижника смиреніе шире и глубже: оно проникаетъ всего человѣка— и со стороны воли, и со стороны разума. Вникните въ житія святыхъ: какое у нихъ глубокое сознаніе своихъ несовершенствъ, своей грѣховной нечистоты предъ лицомъ Правды Божіей, какое безграничное смиреніе! И это благодѣтельное сознаніе, и это смиреніе приходятъ постепенно, по мѣрѣ подвиговъ. Вотъ гдѣ источникъ истиннаго христіанскаго смиренія, которымъ былъ проникнуть и нашъ почившій подвижникъ. А чѣмъ болѣе человѣкъ поработенъ грѣху, тѣмъ въ немъ меньше смиренія: грѣхъ, міръ, разнузданная плоть дѣлають его слѣпымъ, мѣшаютъ ему видѣть свои душевныя язвы, свою нравственную грязь.

Выше мы уже говорили о совершенной нестяжательности о. Іоанна и, вмѣстѣ съ постороннимъ свидѣтелемъ, видѣли ее у него въ Предтеченскомъ скиту. Эта нестяжательность осталась съ нимъ неразлучно и до гробовой доски: и въ послѣдніе годы его земной жизни, въ монастырской больничной кельѣ, у него была совершенная пустота, ничего лишняго, только иконы, четки, мантия, книги необходимыя. Случалось, что кто-либо изъ братіи или благотворителей дастъ ему чайку. Чтобы не оскорбить отказомъ, онъ приметъ, а потомъ принесетъ къ настоятелю: „Возьми, батюшка! Куда мнѣ его? Вѣдь, чужое терніе жать я не въ силахъ, впору свое пожинать, да и то не могу. Спасибо имъ, добрымъ людямъ, не забы-

вають старика; да у меня-то онъ лишній“. До стяжаній ли было челоуѣку, который и умоуъ, и сердцемъ былъ такъ далеко отъ всякой пустой суеты? А между тѣмъ, еслибы онъ не такъ свято хранилъ обѣты иночества, еслибы хотѣлъ стяжать, возможность къ тому была полная. Многіе и изъ братій, а главное — изъ мірскихъ людей прибѣгали къ нему за духовнымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, открывая ему свои душевныя раны и скорби и прося его молитвъ. Самая наружность его привлекала къ себѣ. Отъ его облеченной въ схимническое одѣяніе высокой, сухощавой фигуры вѣяло какой-то необычайной простотой и святостью. Бодрость духа, побѣждающая немощи тѣлесныя, неизмѣнно сіяла на привлекательномъ лицѣ убѣленнаго сѣдинами старца. Когда, бывало, видишь его, стоящаго въ соборѣ во время церковнаго богослуженія, то кажется, что изображеніе святого чудеснымъ образомъ сошло со стѣны и стоитъ, облеченное въ плоть. Именно такими, какъ онъ, а не другой кто, представляются намъ личности древнихъ нашихъ подвижниковъ благочестія, а онъ — имъ подобнымъ.

Отецъ Іоаннъ отнюдь никогда не былъ суровъ съ людьми, не отталкивалъ отъ себя людей, а напротивъ былъ привѣтливъ и готовъ былъ братски подѣлиться богатствомъ своего чистаго, любвеобильнаго сердца и своей духовной опытности. Правда, онъ, какъ мы уже слышали, открыто говорилъ о своемъ недостойнствѣ; этимъ неліцемернымъ смиреніемъ онъ предупреждалъ, чтобы на него не смотрѣли какъ на нѣкоего прорицателя, на вѣщаго пророка; не хотѣлъ выдѣлять себя изъ среды обыкновенныхъ людей; какъ истинный послѣдователь Хри-

стовъ, всѣми мѣрами избѣгалъ славы человѣческой. А что многіе обращались къ нему за словомъ совѣта и на-зиданія,—это вполне понятно. Долголѣтній иноческій по-двигъ, уединенное самоуглубленіе, непрестанная молитва, постоянное обращеніе умомъ къ Богу, чтеніе книгъ Свя-щеннаго Писанія и твореній отеческихъ должны были развить въ немъ мудрость духовную и опытное знаніе человѣческаго сердца, которыхъ весьма недостаетъ намъ, грѣшнымъ. Справедливо сказано въ одной книгѣ: „Из-вѣстно, что ничто такъ не развиваетъ духовной опытности и глубокаго знанія сердца человѣческаго, всѣхъ из-воротовъ и изгибовъ человѣческой души, какъ постоянное самоуглубленіе и самонаблюденіе. Великіе пророки сосре-доточивали и питали свой духъ въ уединеніи пустыни. Священное Писаніе, творенія отцовъ и учителей Церкви и аскетическія писанія святыхъ подвижниковъ служатъ неисчерпаемымъ источникомъ для истиннаго самопозна-нія и пріобрѣтенія духовной опытности при непремѣн-номъ условіи сосредоточеннаго и уединеннаго самоуглуб-ленія. Христіанское самоуглубленіе пріучаетъ къ осто-рожному обращенію съ словомъ, какъ съ высшимъ да-ромъ Божиимъ. Поэтому, въ твореніяхъ христіанскихъ писателей-аскетовъ мы не встрѣчаемъ голыхъ словъ безъ содержанія; напротивъ, тамъ обиліе мыслей, обдуман-ныхъ и вѣрныхъ; и напрасно нѣкоторые пренебрегаютъ ими“ ¹⁾).

Почти шестьдесятъ лѣтъ о. Іоаннъ прожилъ въ Ва-лаамскомъ монастырѣ и всегда свято соблюдалъ обѣты

¹⁾ *Очеркъ изъ исторіи Американской православной духовной миссіи*, изд. Валаамскаго монастыря, Спб. 1894 г., стр. 50—51.

иночества. Мы видѣли его нестяжаніе, видѣли его послушаніе, его не знавшее границъ смиреніе и самоуничженіе. Кто имѣлъ счастье лично знать его, тотъ на всю жизнь сохранить отрадное воспоминаніе объ этой свѣтлой, чистой, высокой личности. Послѣ многолѣтняго иноческаго подвига, а вѣрнѣе—именно вслѣдствіе этого подвига, какъ онъ былъ полонъ дѣтской простоты, по непреложному обѣтованію Спасителя отверзающей врата царствія небеснаго! Вотъ случай, бывшій незадолго до смерти о. Іоанна. Когда, въ концѣ іюля 1894 г., о. игумень Гавріиль возвратился въ родную обитель изъ своей поѣздки въ Петербургъ, то немедленно по прибытіи прежде всего зашелъ, по обычаю, въ соборъ возблагодарить Бога за благополучное окончаніе путешествія. Колокольный звонъ возвѣстилъ пріѣздъ игумена, и о. Іоаннъ, вмѣстѣ съ другими, поспѣшилъ въ храмъ Божій. Тамъ—мы сами это видѣли—онъ, съ сіяющимъ лицомъ и со слезами радости, быстро, не по-старчески, подошелъ къ горячо-любимому настоятелю, своему бывшему ученику, чтобы привѣтствовать его и принять его благословеніе. Тутъ не было и тѣни обязательныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику. Нѣтъ, это былъ стремительный, искренній, задушевный, сердечный, именно какой-то дѣтскій порывъ любящаго сына къ любимому отцу, котораго сынъ этотъ, чувствуя близкій конецъ своего земного поприща, быть можетъ уже и не чаялъ увидѣть въ сей жизни.

Отецъ Іоаннъ былъ чистѣйшимъ и прекраснѣйшимъ образцомъ истиннаго монаха, глубоко вѣрующаго, кроткаго, смиреннаго, простаго, чистаго сердцемъ, монаха-

подвижника, монаха-молитвенника. Надо видѣть, надо знать такихъ людей, дабы понять всю истину словъ Св. Димитрія Ростовскаго, — что *молитвами монаховъ Господь содержитъ весь міръ*.

Что-же, о. Іоаннъ, воодушевляло и поддерживало тебя въ твоёмъ многолѣтнемъ и многотрудномъ подвигѣ? Самъ ты теперь не скажешь, не отвѣтишь. Но за тебя отвѣтитъ другой Іоаннъ — *Св. Іоаннъ Златоустъ*: «Наилучшее средство, самый легкій путь къ добродѣтели — смотрѣть не на труды только, но вмѣстѣ съ трудами помышлять и о наградахъ. Итакъ, когда хочешь подать милостыню, обращай вниманіе не на ущербъ твоего имѣнія, а на приобрѣтеніе чрезъ то правды: *расточи*, сказано, *даде убогимъ; правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка* (Псал. 111: 9); не смотри на иждивеніе богатства, но на прибрѣтаемое сокровище. Когда постишься, не думай объ изнуреніи плоти отъ поста, но объ отрадѣ для души, происходящей отъ изнуренія плоти; когда бодрствуешь на молитвѣ, представляй себѣ не утружденіе отъ бдѣнія, но пользу отъ молитвы. Такъ поступаютъ и войны: они имѣютъ въ виду не раны, а награды; не пораженіе, а побѣду; не смотрятъ на падающихъ мертвыми, но на увѣнчаемыхъ побѣдителей. Такъ и кораблеплаватели воображаютъ себѣ не бури, а тихую пристань; не кораблекрушеніе, а выгодную торговлю; не бѣдствія въ плаваніи, а заморскія сокровища. Такъ поступай и ты. Представь, какъ хорошо: въ глубокую ночь, когда покоятся всѣ люди, самые звѣри и животныя, когда повсюду глубокая тишина, — ты одинъ оставляешь одръ свой и съ дерзновеніемъ бесѣдуешь съ общимъ всѣхъ Владыкой!

Сладокъ сонъ; но нѣтъ ничего пріятнѣе молитвы. Много пріобрѣтешь пользы, если одинъ на одинъ побесѣдуешь съ Богомъ въ такое время, когда никто не смущаетъ тебя, никто не отвлекаетъ тебя отъ молитвы: самое уже время благопріятствуетъ тебѣ получить все, чего желаешь. Но ты нѣжишься на мягкой постелѣ? тебѣ тяжело встать? Вспомни же о мученикахъ: они лежали на желѣзныхъ рѣшеткахъ; не мягкія перины, а горячіе угли служили имъ постелью. Погаси въ себѣ пламень похоти. Трудно это? — но полезно. Не смотри на предстоящія трудности, но на будущія блага: имѣй въ виду не бѣдствія, окружающія насъ, но ожидаемую отраду; не страданія, а награды; не труды, а вѣнцы; не подвиги, а возмездіе; не болѣзни, а воздаяніе“. Такъ смотрѣли на дѣло и такъ поступали всѣ истинные подвижники Христовы. Такъ, несомнѣнно, поступалъ и о. Іоаннъ, — и въ этомъ разгадка его никогда не ослабѣвавшей твердости, несокрушимой энергіи и бодрости духа. „Такъ поступай и ты“ — скажемъ мы прежде всего монаху, ибо о. Іоаннъ — каждому иноку живой примѣръ, образецъ для подражанія. Но только ли одни монахи должны подражать подвижникамъ, учиться у нихъ жизни? Нѣтъ, не одни монахи, а всѣ: «Приди, — говоритъ Златоустъ, — и учись у монаховъ. Это — свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ!» Онъ указываетъ *всѣмъ* учиться у монаховъ — подвижниковъ. Мы увѣренно говоримъ: *всѣмъ*, потому, что Златоустъ сказалъ: *приди*; а монахамъ нечего приходитъ къ монахамъ же; слѣдовательно слово Златоуста — *приди* — относится къ мірянамъ; значитъ, ко *всѣмъ*. Да оно и понятно, что такъ, а не иначе. Вѣдь, монашество не есть

какое-либо иное, новое, особенное учение, помимо учения христіанскаго, учения евангельскаго. Монахъ даетъ обѣтъ совершеннаго послушанія и смиренія; а мірянину развѣ дозвоительно быть гордымъ, кичливымъ, своевольнымъ? Развѣ заповѣдь и примѣръ Христа Спасителя не для всѣхъ обязательны? Монахъ даетъ обѣтъ совершеннаго нестяжанія; но и мірянинъ отнюдь не долженъ не прилѣпляться къ богатствамъ, ни растрачивать ихъ безпутно: онъ долженъ быть лишь мудрымъ приставникомъ имѣній, данныхъ ему Богомъ для общей пользы, а наипаче для помощи бѣднымъ и нуждающимся; не монахамъ Господь говорилъ: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ“, а всѣмъ безъ исключенія, ибо въ то время и не было монаховъ. Монахъ даетъ обѣтъ совершеннаго цѣломудрія; а мірянину развѣ позволительно развратничать и прелюбодѣйствовать? Седьмая заповѣдь закона Моисеева, безъ сомнѣнія, не къ монахамъ относилась; а бракъ и честная супружеская жизнь не нарушаютъ христіанскаго цѣломудрія. Итакъ, заповѣди для всѣхъ однѣ. У всѣхъ христіанъ цѣль одна—спасеніе души путемъ усовершенствованія личности, путемъ внутренняго самоусовершенствованія въ духѣ евангельской истины и любви, путемъ подражанія Христу. Одна цѣль — одинъ и путь, одни и средства. Поэтому, какъ поступали и жили монахи—подвижники—„такъ поступай и ты“, скажемъ мы словами Златоуста. И это скажемъ каждому, не монаху только, но одинаково и мірскому человѣку, который хочетъ быть христіаниномъ не по имени только, а на самомъ дѣлѣ. Потворствовать себѣ, извинять свои дурныя, злыя, порочныя дѣла, мысли, чувства, желанія и наклон-

ности нелѣпымъ самооправданіемъ или снисхожденіемъ къ себѣ, что мнѣ проститъ Богъ, или съ меня Богъ не взыщетъ, потому—де, что я мірянинъ, а не монахъ,—значитъ, сознательно или безсознательно, приносить себѣ величайшій вредъ душевный, значитъ совершать духовное самоубійство, копать себѣ яму, стремиться къ своей гибели: Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ—это истина; но Онъ же и совершенно правосуденъ. Столь же безразсудно и душевредно отчаяваться въ своемъ спасеніи и, махнувъ рукой на себя и на все, жить язычески, по-скотски, забывъ Христа; ибо всесильная благодать Божія всегда приходитъ на помощь къ каждому, ищущему ея, къ каждому, ищущему царствія Божія и правды его.

Въ заключеніе, расскажем о послѣднихъ дняхъ земной жизни нашего подвижника и о его блаженной кончинѣ. За недѣлю до смерти старецъ, чувствуя все бѣльшее и бѣльшее изнеможеніе силъ тѣлесныхъ, сознавая, что онъ иногда своимъ словоохотливымъ языкомъ лишнее что-либо скажетъ, и памятуя, что за каждое слово праздное предстоитъ намъ дать отвѣтъ на страшномъ судѣ Божіемъ, возжелалъ вновь предпринять прежній подвигъ—совершеннаго молчанія—и пришелъ къ о. игумену Гавриилу съ просьбою: «Батюшка! повѣсь опять замокъ на мой языкъ, а то я иногда забудусь и наговорю лишнее». Отецъ игумень похвалилъ его доброе желаніе, далъ ему заповѣдь молчать пока на Успенскій постъ: „а далѣе,—сказалъ,— что Богъ устроитъ, посмотримъ“. Съ 1 августа 1894 года о. Іоаннъ и началъ подвигъ молчанія. Промолчалъ пять дней. Тѣмъ временемъ болѣзнь тѣлесная—

онѣмѣніе ноги — дала ему почувствовать, что онъ скоро навѣки замолчитъ. 6-го августа, въ день праздника Преображенія Господня, онъ уже не могъ придти въ церковь, лежалъ на постели въ изнеможеніи силъ, но въ полномъ сознаніи, которое, — кстати сказать, — онъ сохранилъ до послѣдней минуты своей жизни. Многіе изъ братій приходили посѣтить его — болящаго, ибо всѣ искренно любили его за кротость, смиреніе и простоту и глубоко уважали за его подвиги. Пришелъ, конечно, и настоятель. Старецъ весьма обрадовался ему, желая кое-что переговорить. Впервыхъ, просилъ прощенія въ томъ, что, по случаю постигшей его болѣзни, не могъ исполнить принятый на себя подвигъ молчанія. Просилъ затѣмъ, если онъ доживетъ до утра, — утромъ пособоровать его и причастить.

— Ну, сказалъ о. игумень: если доживешь до утра, исполнимъ твое желаніе; а если Богъ позоветъ раньше утра, то, вѣдь, ты, старецъ, уже напутствованъ въ жизнь вѣчную, ты недавно соборованъ и дня два тому назадъ пріобщался Св. Таинъ.

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ старецъ: но все бы не худо и еще пособороваться и пріобщиться.

— А, можетъ быть, ты еще поправишься, сказалъ о. игумень.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ не поправлюсь... Я чувствую, что ужъ конецъ моей жизни пришелъ... Будетъ... Будетъ — пожилъ, а добраго ничего еще не сдѣлалъ... Слава Богу, что Богъ еще началъ карать меня съ низу, съ ногъ, а не съ головы: вотъ ноги-то отнялись, а умъ-то и языкъ еще дѣйствуютъ.

— Ну, иди съ Богомъ, коли собрался въ вѣчную жизнь, сказалъ ему о. игумень и, благословивъ старца, простился съ нимъ.

Вечеромъ о. Іоаннъ сталъ еще болѣе слабѣть и изнемогать. Ему прочитали отходную. А въ воскресенье, 7-го августа, въ 9-ть часовъ утра, въ началѣ поздней обѣдни, старецъ тихо и мирно предалъ душу свою Господу. Троекратнымъ удареніемъ въ колоколь возвѣщено было всеѣмъ обитателямъ Валаама о кончинѣ глубокоуважаемаго старца. На литургіи стали поминать о упокоеніи новопреставленнаго схимонаха Іоанна. Скончался онъ на 85-мъ году отъ роду, проживъ на Валаамѣ подъ тремя именами—послушника Иларіона, монаха Иринея и схимонаха Іоанна—всего около 60 лѣтъ.

Тѣло почившаго три дня стояло въ церкви *Животнаго Источника*. Братія и многіе посѣтители, уважая почившаго старца, непрестанно служили по немъ панихиды. 9-го августа настоятель съ соборомъ священнослужителей отпѣваль тѣло почившаго подвижника. Не въ примѣръ прочимъ, святолѣнное лицо его было открыто для послѣдняго зрѣнія на него искренно любившихъ почившаго братій и посѣтителей. Ликъ о. Іоанна былъ весьма благообразенъ и какъ-бы въ молитвенномъ настроеніи, полонъ невозмутимой тишины, благодатнаго мира, безмятежнаго покоя. Его изможденное тѣло, не смотря на лѣтнюю жару, не издавало ни малѣйшаго трупнаго запаха. На отпѣваніи присутствовали все безъ исключенія живущіе въ монастырѣ, отъ настоятеля до самаго младшаго послушника; не мало собралось братій и изъ скитовъ; кромѣ того, было множество постороннихъ посѣ-

тителей — богомольцевъ, съѣхавшихся въ то время на Валаамъ къ празднику Преображенія Господня въ числѣ не одной сотни лицъ, мужчинъ и женщинъ. Многіе изъ этихъ посѣтителей имѣли счастье уже не первый годъ знать почившаго, а слѣдовательно и имъ онъ былъ не менѣе дѣрогъ, чѣмъ намъ, ибо узнать его значило искренно его полюбить: его свѣтлая личность невольно привлекала сердца. Чувствовалась дорогая утрата. Во время отпѣванія многіе плакали. Всѣ, по очереди, подходили прощаться съ почившимъ. Наконецъ, въ сопровожденіи всей братіи и не одной сотни посѣтителей, при звонѣ колоколовъ, съ литіями, тѣло почившаго снесли на рукахъ на мѣсто послѣдняго земного упокоенія — на монастырское кладбище—и похоронили тамъ подъ сѣнію каменнаго общаго креста.

Миръ твоей чистой душѣ въ свѣтлыхъ, райскихъ обителяхъ небеснаго царствія!

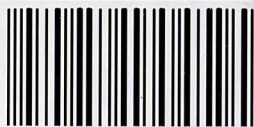
10. Никольскій скитъ на Валаамѣ и житіе Святителя и Чудотворца Николая, съ видомъ скита. Спб. 1889 г. Цѣна 10 коп.
 11. Ильинскій скитъ на Валаамѣ и житіе Святаго Славнаго Пророка Ильи, съ видомъ скита. Спб. 1889 г. Цѣна 10 коп.
 12. Святоостровскій скитъ на Валаамѣ и житіе Преподобнаго Александра Свирскаго, съ видомъ Святаго острова. Спб. 1889 г. Цѣна 10 коп.
 13. Аврааміевскій скитъ на Валаамѣ и житіе Преподобнаго Авраамія Ростовскаго, съ видомъ скита. Спб. 1890 г. Цѣна 10 коп.
 14. Слово о Валаамскомъ монастырѣ. Историческій очеркъ. Изд. 3-е. Спб. 1888 г. Цѣна 15 коп.
 15. Служба на память Преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ и Слово на память ихъ. Спб. 1885 г. Цѣна 30 коп.
 16. Три слова о монашествѣ. Изд. 2-е. Спб. 1888 г. Цѣна 15 коп.
 17. Старческое наставленіе отца Назарія, игумена Валаамскаго, съ краткимъ сказаніемъ о его жизни и подвигахъ. Спб. 1885 г. Цѣна 30 коп.
 18. Замѣчательная жизнь и дѣятельность настоятеля Валаамскаго монастыря игумена Дамаскина и поучительныя его слова, съ его портретомъ. Спб. 1892 г. Цѣна 30 коп.
 19. Настоятель Валаамскаго монастыря игумень Іоанавъ, съ его портретомъ. Спб. 1893 г. Цѣна 15 коп.
 20. Замѣчательная жизнь Валаамскаго іеросхимонаха Антипы, съ его портретомъ. Спб. 1893 г. Цѣна 15 коп.
 21. О вредныхъ слѣдствіяхъ пьянства и духовное отъ него врачество. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Цѣна 5 коп.
 22. Валаамскій скитъ во имя Святаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и Жизнеописаніе тамошняго подвижника схимонаха о. Іоанна († 7 августа 1894 г.), съ видомъ Предтеченскаго скита. Спб. 1895 г. Цѣна 25 коп.
-

НОВАЯ КНИГА,
изданная Валаамскимъ монастыремъ:
ОЧЕРКЪ
АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ.
(1794—1837).

Съ приложеніемъ: портрета миссіонера Германа, 2-хъ гравюръ и матеріаловъ для исторіи миссіи, ранѣе не бывшихъ въ печати. Спб. 1894 г. Цѣна 80 коп. Книга эта, заключающая въ себѣ болѣе 300 страницъ четкой печати, представляющая первый опытъ по исторіи Американской миссіи, удостоилась самыхъ лестныхъ отзывовъ печати: «Книга написана съ полнымъ знаніемъ дѣла и пытли-востью историческаго изслѣдователя. Желательно широкое распространеніе этого полезнаго, назидательнаго и общедоступнаго изданія». («Церковныя Вѣдомости», изд. при Свят. Правит. Синодѣ. 1894 г., № 39).—«Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе этого изданія. Книга вообще читается съ большимъ интере-сомъ, и мы искренно рекомендуемъ ее всемъ любителямъ полезнаго и на-зидательнаго чтенія». («Церковный Вѣстникъ», изд. при Спб. Дух. Академіи. 1894 г., № 38).—«Объ Американской миссіи мы имѣли до сихъ поръ только записки преосв. Иннокентія объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, и насто-ящее изданіе даетъ новый вкладъ въ исторію этого дѣла». («Странникъ», Октябрь 1894 г.).—«Мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, представляющей цѣнный вкладъ въ духовно-историческую литературу» («Свѣтъ», 1894 г., № 229).

Цѣны означены безъ пересылки. За пересылку по 10 к. за экземпляръ. Кни-гопродавцамъ—обычная уступка. При значительныхъ требованіяхъ—уступка по еоглашенію.

Съ требованіями личными и письменными можно обращаться:
1) въ Валаамскій монастырь, Выборской губерніи, черезъ городъ Сердоболь, къ настоятелю—игумену Гавриилу; 2) въ С.-Петербургъ—въ Валаамскую часовню (Калашиниковская пристань); въ Москвѣ—къ монаху Серафиму (уголъ Большой Ордынки и Грибодовскаго пер., домъ Валаамскаго монастыря).

2007042261